

НА ТЕМЫ ДНЯ

Содержаніе :

1. Передовая статья. — Къ развязкѣ.
2. 9 января.
3. Безработный. — Отъ Кишинева до дѣла Бейлиса.
4. Ольга Лѣвая. — Темное царство.
5. М—ръ. — Агитація въ арміи и военныя организаціи.
6. Яковъ. — Въ Бутырской каторгѣ.
7. Г. Алексинскій. — Гримаса раскола.
8. Резолюція Парижск. Круга содѣйствія группъ „Впередъ“.
9. Я. М. — Изъ жизни С.-Д. Лат. Кр. за періодъ общественнаго подъема.
10. Петр. Ал. — О ленинской конференціи.

Изданіе Группы „ВПЕРЕДЪ“

1914.

На темы дня

№ 4. — Январь 1914 г.

Изд. группы „Впередъ“

Цѣна 50 с.

СОДЕРЖАНІЕ :

1. Къ развязкѣ (передовая статья). 2. Девятое января. 3. Отъ Кишинева до дѣла Бейлиса — И. Безработный. 4. Темное царство — Ольга Лѣвая. 5. Агитація въ арміи и военныя организаціи — М-ръ. 6. Въ Бутырской каторгѣ — Яковъ. 7) Гримаса раскола — Г. А. ексинскій. 8. Резолюція Парижскаго Кружка содѣйствія группѣ „Впередъ“. 9. Изъ жизни социальдемократіи Латышскаго Края общественнаго подъема — Лат. с.-д. Я. М. 10) О ленинской конференціи — Петръ Ал.

Къ развязкѣ.

Политическое положеніе внутри Россіи проясняется съ значительной быстротой. Еще недавно были возможны или, вѣрнѣе сказать, считались возможными споры о томъ, куда итеть послѣ 1905 года россійскій царизмъ, — къ восстановленію ли до-революціонной самодержавной власти или къ «постепенному» превращенію себя въ «конституціонную» и «европеизированную» буржуазную монархію. Еще недавно даже нѣкоторые социаль-демократы тратили тщетно массу стараній и терпѣнія на то, чтобы отыскать въ россійскомъ государственномъ режимѣ признаки европейскаго «конституціонализма», и пытались, безуспѣшно, приспособиться къ этимъ новымъ легальнымъ возможностямъ и конституціоннымъ гарантіямъ. Дѣйствительность жестоко разбила конституціонныя иллюзіи, и царизмъ сумѣлъ весьма наглядно показать, какова его политическая сущность. Онъ показалъ это въ разгонѣ 2-й Думы и въ подломъ нападеніи на с.-д. фракцію этой Думы, онъ показалъ это въ трагедіяхъ Зерентуя и Акатуя, въ ленинской кровавой расправѣ и въ дѣлѣ о «ритуальномъ убійствѣ». Но помимо этихъ огромныхъ, историческихъ событій сущность россійской конституціи вскрывается и въ повседневной его «работѣ». Эти постоянные плевки въ лицо народнымъ представителямъ, эти непристойные «законопроекты», выработанные союзомъ объединеннаго дворянства и въ чайныхъ союза русскаго народа, — эти законопроекты объ усиленіи полицейской власти и о полномъ восстановленіи цензурнаго намордника, и безъ того достаточно крѣпко взнуздававшая русскую печать. Эти массовые аресты, высылки и приговоры къ каторгѣ и къ поселенію всѣхъ сколько-нибудь выдѣлившихся дѣятелей рабочаго движе-

нія. Эти суды надъ стачечниками, которыхъ бьютъ и полицейской и судебной дубиной. Этотъ ростъ тюремнаго населенія и расходовъ на тюрьмы и остроги, на шпионовъ и жандармовъ. Эти ежедневныя конфискаціи рабочей и демократической прессы, эти десятки редакторовъ, отправляющіеся въ «Кресты» и «Предварилку» послѣ двухдневнаго редакторствованія. Эта травля сектантовъ и инородцевъ, эта казарменная дисциплина въ средней школѣ и въ университетахъ съ профессорами «по назначенію» отъ Кассо. Это публичное браганье царя съ погромщиками, эти любезныя царскіе привѣты и награды Пуришкевичу!..

Что это, если не самая подлинная самодержавная конституція, — такая, какой пожалуй, не видала матушка-Россия и при папашѣ Николая Кроваваго?!

Русскій царизмъ уже не идетъ къ возстановленію самодержавной реакціи, — онъ уже пришелъ къ ней. И тотъ, кто не видитъ этого, — тотъ либо наивный глупецъ, либо ловкій пройдоха, желающій втереть конституціонныя очки народнымъ массамъ.

Но не только самые наивные глупцы начинаютъ прозрѣвать и понимать сущность російской «конституціи», а и ловкіе пройдохи, чувствуя, что земля шатается подъ ногами царизма, спѣшаютъ отгородиться отъ него, которому они еще такъ недавно лизали пяту, какъ жалкіе псы. Либеральный публицистъ Изгоевъ, который 2—3 года тому назадъ восхищался государственной мудростью Столыпина и брызгалъ своей жабыей слюной на революцію, теперь съ отчаяніемъ свидѣтельствуешь, что революція приближается вновь, что уже показались «клубы дыма», предвѣщающіе подземный взрывъ. Прошло и какъ быстро прошло то время, когда либеральные кадеты «дразнили» социалдемократовъ и другихъ революціонеровъ тѣмъ, что ихъ революціонныя стремленія не осуществились, и что они остались у «разбитаго корыта» своихъ надеждъ и усилій. Эти усилія не затрачены даромъ. Послѣвъ, брошенный бодрыми пахарями великихъ дней октября и декабря 1905 года не пропалъ безплодно. Сворамъ царскихъ опричниковъ, отрядамъ карательныхъ экспедицій не удалось вытоптать его, и онъ вновь даетъ свои революціонныя всходы. И если же корыто оказалось разбитымъ, то именно корыто либеральной маниловщины, которая, морально помогая царизму дуть на революцію, почтительнѣе просила царизмъ пообчиститься отъ налипшей на него грязи и крови, принять европейскій видъ, надѣть на Россію европейскую манишку. Вмѣсто европейской манишки самодержавіе затащило страну въ столыпинскій галстукъ. Оно использовало услуги либераловъ для подавленія революціи, оно употребило для своихъ нуждъ профессора Милюкова съ его «красной тряпкой». Стрвбе и Изгоева съ ихъ неистово-ренегатской злобой противъ всего, что пахнетъ социалдемократіей и, употребивъ ихъ въ дѣло, отбросило либера-

ловъ, какъ ненужную ветошь, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда они воспылали надеждой на «настоящій» «конституціонный» строй.

Впрочемъ, что говорить о либералахъ! Даже октябристы, — тѣ ока-ались слишкомъ лѣвы для династіи Романовыхъ, крѣпко обнявшейся съ династіею Пуришкевича - Маркова. Даже Гучковъ, и тотъ, повидимому, почувалъ, что монархія Николая II го безвылазно застѣла въ грязное болото до-октябрьской реакціи. Даже Гучковъ заявляетъ о томъ, что страна стоитъ «передъ катастрофой», — передъ революціей.

Да революція идетъ къ намъ снова быстрыми шагами. Она идетъ къ намъ не «по-новому», — не черезъ петиціи и легальныя возможности, — а по-старому. Она идетъ съ тѣми же лозунгами, какіе звучали по всей Россіи въ октябрьско-декабрьскіе дни. Она идетъ съ демократической республикой для народа и съ учредительнымъ собраніемъ, съ отобраніемъ земли у дворянъ, царя, монастырей и церквей для передачи ихъ деревенской бѣднотѣ. Она идетъ съ 8 ми часовымъ днемъ для рабочихъ, со свободой слова, печати, союзовъ и стачекъ, съ широкой возможностью организовать и вести борьбу за социализмъ. А для солдатъ и матросовъ она принесетъ съ собой конецъ постылой службы и замѣну казарменной арміи вольными дружинами вооруженнаго народа.

Революція идетъ къ намъ вновь. И жгучимъ дыханіемъ своимъ, шумомъ алыхъ знаменъ, грознымъ затишьемъ всеобщей стачки, мѣрнымъ топотомъ народныхъ массъ, выступающихъ на улицу для открытыхъ демонстрацій она сумѣетъ влохнуть новую энергію, новыя силы въ души тѣхъ, кто впалъ въ уныніе въ годину реакціи. Если «неудача» перваго подъема революціи въ 1905 г. научила насъ быть выдержаннѣе и спокойнѣе, считается съ трудностями и длительностью революціонной борьбы, то неудача царской реакціи, не смогшей задушить рабочее движеніе, а съ нимъ и движеніе остальной демократіи, показала намъ всѣмъ, что уныніе и пессимизмъ были еще болѣе ненужны и напрасны. Исполнилось вновь предсказаніе революціоннаго марксизма о томъ, что не можетъ крѣпостническая дворянская власть справиться съ запросами и требованіями экономического и общественнаго развитія страны, что силы этого развитія рано или поздно разорвутъ оболочку устарѣвшихъ государственныхъ формъ и создадутъ почву для политическаго переворота, — для революціи.

Революція вновь передъ нами. Дѣло идетъ къ развязкѣ. Чтобы эта развязка была окончательной гибелью самодержавія, нужно дружное и мощное дѣйствіе всѣхъ революціонныхъ силъ страны и прежде всего силъ революціоннаго пролетаріата, ибо онъ есть двигатель и вождь великой русской революціи.

9-е Января.

Есть великія историческія даты, отъ которыхъ народныя движенія ведутъ свое дѣтосчисленіе. Ихъ не вытравить изъ совѣсти народа ни грубая сила, ни время, ни цѣпь новыхъ бурныхъ событій. Есть дни, когда политическое воспитаніе массъ сѣршается съ головокружительной, безумной быстротой, дни, дѣлящіе исторію на двѣ грани, есть мновенія, когда толпы перерождаются, отражая въ сво мѣ сознаніи историческій переломъ, длительный незамѣтный процессъ политическаго развитія страны.

Кто изъ русскихъ рабочихъ не помнитъ дня 9-го Января?

Утромъ 9-го Января 1905 г. подъ дѣсомъ хоругвей и «рестовъ» петербургская бѣднота шла съ своей мно овѣзовой в рой къ царю, вечеромъ 9-го Января она строила на Васильевскомъ островѣ баррикады. Утромъ она пѣла пѣсню рабовъ, молилась за царя, вечеромъ изъ ея груди рвалась марсельеза, неслись стоны проклятій вслѣдъ скрывшемуся трусливо изъ столицы ничтожному человѣку, съ именемъ котораго связана эта неслыханная безтолковая бойня. Утромъ охранный попъ, вскинутый на гребень волны событіями, писалъ въ петиціи просящей толпы: «Царь, мы пришли къ тебѣ, какъ дѣти твои. Повели исполнить чаянія народа твоего». Вечеромъ онъ отъ имени толпы революціонной, плача и дрожа отъ негодованія, призывалъ вмѣстѣ со всѣмъ Петербургомъ громы небесные на голову «изверга» и его «отродья» и разрѣшалъ «кровью спаяннымъ братьямъ» и динамиту, и бомбы, и огонь, и кровь за кровь. За два дни до 9-го Января Струве на освобожденческихъ страницахъ развивалъ глубокомысленныя соображенія о невозможности революціи въ Россіи, а на другой день послѣ 9-го Января земская оппозиція рукою Струве начертала: «У рускаго народа нѣтъ больше царя!». Россія, въ которой, по завѣреніямъ Струве, не было 9-го Января республиканцевъ, 10-го января насчитывала ихъ тысячами. И въ этомъ вихреобразномъ темпѣ политическаго воспитанія массъ — смыслъ и значеніе этого памятнаго историческаго дня. Въ этотъ день русская революція, вылившаяся въ гнѣвный крикъ петербургскаго пролетаріата: «Долой царя убійцу!», приобрѣла самыхъ надежныхъ самыхъ искреннихъ республиканцевъ въ милліонахъ рабочаго класса. Это были не тѣ мягкіе тѣлые «республиканцы», которые въ придворной грязи и въ тайникахъ царскихъ алькововъ черпали «славу», наущивая въ гостинныхъ земской оппозиціи. Это были не тѣ либералы, которые на другой день послѣ разстрѣла «готовились провозгласить себя изъ «публичной библіотеки» временнымъ правительствомъ и апеллировали въ воззваніяхъ къ «чети» разстрѣливавшаго офицерства. Это были не тѣ, кто клялся передъ ужасомъ январьской рѣзни, что «у русскаго народа нѣтъ больше царя», и кто спустя четыре года стоялъ подъ опущенными знаменами «оппозиціи Его Величества» и пѣлъ гимны на колѣняхъ государственной мудрости Столыпина.

Въ новообращенныхъ рабочихъ республиканцахъ революція нашла людей зрѣлой политической мысли, ясной продуманной программы, безкорыстнаго гражданскаго мужества.

Не впервые въ 1905 г. поднялась и осознала себя, какъ классъ, противостоящій всему обществу, рабочая масса. Уже въ предшествующихъ стачкахъ, во время знаменитыхъ Ростовскихъ событій, социал-демократія приходила съ нею въ непосредственное соприкосновеніе, сливаясь съ ея обаятельнымъ энтузіазмомъ движеніемъ. Уже тамъ молодой русскій социализмъ встрѣчалъ передъ собой не небольшіе кружки, а огромную аудиторію, разрывавшую полицейскія заставы, аудиторію,

чутко прислушивавшуюся къ новому слову, ловившую на лету дозвонки революции. Но съ 9-го Января тысячи дорогъ ведутъ социалдемократію въ самую гущу массоваго движенія, социализмъ становится убѣжденіемъ широкихъ круговъ рабочаго класса, растетъ и крѣпнеть революціонная традиція брошенныхъ вширь идей партіи, которая даже при разгромѣ организаций вызываетъ солидарныя мощныя выступленія пролетаріата. Политическимъ реакціонерамъ не понять, какая невидимая, неуловимая сила, какіе скрывшіеся отъ полицейскаго ока подземные комитеты приводять въ движеніе сотни тысячъ рабочихъ ежегодно въ майскій праздникъ и январскій трауръ Реакціонерамъ не понять той глубокой идейной связи, которая сплотила Шиссельбургскій трактъ и всю рабочую Русь съ социалдемократіей въ день 9-го Января. Имъ не вдомекъ, что никакіе штыки, никакія охранки, никакіе шпіоны и провокаторы не въ состояніи разорвать и раскрыть этихъ невидимыхъ нитей сознанія, выросшаго въ ураганѣ революціонныхъ событий и не поддающагося никакому уголовному уложенію. Когда то во время Великой Французской Революціи кто то изъ ея дѣятелей кинулъ эти крылатыя пророческія для русскаго рабочаго движенія слова: „Идеи на штыки не удавливаются“. Пусть попробуетъ окровавленный Деню царизмъ стереть память о 9-мъ Января Пусть попытается уничтожить социалдемократическое воззрѣніе російскихъ рабочихъ, которое вело, ведетъ и будетъ вести «ажъный годъ» десятки тысячъ народа на Преображенское кладбище. Царизмъ можетъ разрушить ту или иную организацию, арестовать тотъ или иной подпольный комитетъ, закрыть десятокъ, другой профессиональныхъ сюзозовъ, клубовъ, просвѣтительныхъ обществъ, но онъ никогда ни на юту не измѣнитъ сознанія пролетаріата, произведшаго 9-го Января оцѣнку классовой фізіономіи Романовской монархіи. Пусть попытается царизмъ или „оппозиція Его Величества“, грезящая о мирномъ встаніи въ конституцію, организовать послѣ 9-го Января рабочій классъ помимо социалдемократіи, противъ социалдемократіи, создать новую зубатовщину, гапоновщину, ушаковщину, вызвать къ жизни желтые христіанскіе или либеральныя ссюзы въ Россіи. Пусть попробуетъ кадетскій либерализмъ отвоевать рабочія массы у социалдемократіи во имя „народной свободы“ противъ социализма и революціи, и онъ неизбѣжно долженъ будетъ подойти къ пролетаріату въ маскѣ „ликвидаторства“, кусковщины „независимаго“ рабочелюбія и „открытой рабочей партіи“. Онъ не посмѣетъ съ поднятымъ забраломъ выступить передъ классомъ, купившимъ свое революціонно-соціалистическое сознаніе такую страшную цѣною, какъ разстрѣлъ 9-го Января.

Девять лѣтъ тому назадъ революція вышла изъ подполья на улицу, изъ кабинетной идеи превратилась въ массовую практику.

Она демократизировалась.

Она одѣта была уже не только въ студенческія тужурки и сюртуки, она покрыта была рубищами рабочей и крестьянской бѣдноты и шла не только съ аргументами изъ политической экономіи, но и съ топоромъ, съ вилами, съ браунингомъ, жгла усадьбы, выгоняла изъ насѣженныхъ мѣстъ паразитовъ дворянъ дѣйствовала не логикой словъ, а логикой силы, вводила восьмичасовой рабочій день, останавливала поѣзда, объявляла стачки.

Эта была не революція словесная которою либералы еще недавно пугали власть, а подлинная живая, шествующая въ кровавой плоти, съ военными возстаніями, съ разгромомъ помѣстій, съ суровымъ закономъ—око за око, зубъ за зубъ. Что же удивительнаго, если она потеряла сразу цѣнность въ глазахъ либераловъ, завопившихъ о „пугачевщинѣ“, угрожающей культурѣ. Отъ нея немедленно отшатнулись и улизнули въ подворотню размагниченные барчуки, приходившіе къ ней еще недавно съ аршинами умѣренности и аккуратности. Посыпались непрошенныя совѣты, жалобныя причитанія о томъ, что масса

„зарвалась“, отпугнула от себя благожелательно настроенные буржуазные классы. Но куда было идти молодой рабочей демократіи, сермяжному озлобленному революціонеру, окруженному улюлюканіемъ и травлей? Съ Девятаго Января революція сдѣлала огромное завоеваніе, она сплотила вокругъ себя социальные низы, оперлась на подлинную новую демократію и чѣмъ рѣшительнѣе она врѣзывалась въ разгоравшуюся битву, чѣмъ энергичнѣе напирала на власть, на дворянское землевладѣніе, на капиталъ тѣмъ быстрѣе росла и увеличивалась ея о-уренная дымомъ и огнемъ армія, тѣмъ сильнѣе рѣпли симпатіи въ низахъ къ ней.

Вотъ почему съ Девятымъ Января у руссійскаго пролетаріата, пережившаго не одну кровавую баню, связано столько жгучихъ воспоминаній. Не забудется, пока живъ многомилліонный рабочій классъ, ни одна капля пролитой крови, ни одинъ вздохъ по невинно-загубленнымъ, ни одна жалоба — все зачтется въ день близкой расплаты. Пройдутъ годы, смѣнятся политическіе режимы, истлѣютъ кости тѣхъ, кто былъ виновникомъ безчеловѣчнаго преступленія, но къ на-ыпямъ, подъ которыми спятъ „кровью спаянные братья“, будетъ свершаться ежегодно паломничество, и милліоны трудового народа чуткимъ ухомъ услышатъ неумолчный говоръ братскихъ могилъ: „Кровь наша на немъ и на дѣтяхъ его!“

Да здравствуетъ Революція!

Долой Самодержавіе!

Да здравствуетъ Республика!

Да здравствуетъ Соціализмъ!

Отъ Кишинева до дѣла Бейлиса.

Дѣло Бейлиса является несомнѣнно однимъ изъ самыхъ крупныхъ судебныхъ процессовъ, когда либо привлекавшихъ къ себѣ общественное вниманіе въ Россіи и заграницей, и не только по размѣрамъ чудовищности питаемаго церковью и царизмомъ варварства, но и по той особенной политической обстановкѣ, въ которой зарвавшемуся министерству юстиціи пришлось въ голову поставить его на очередь дня. Обнаглѣвшая реакція не могла сдѣлать ничего лучшаго, какъ кинуть въ накаленную недовольствомъ атмосферу этотъ ритуальный процессъ съ изступленными монахами Неофитами, съ черносотенными лидерами въ роли обвинителей, съ экспертизой католическаго іезуита, вызвавъ широкое общественное возмущеніе, какого давно уже не вызывалъ ни одинъ большой политическій процессъ.

Расчетъ контръ-революціи былъ ясенъ и простъ: у подножья новой революціонной волны, проявляющейся въ стачкахъ, военныхъ движеніяхъ, въ растущемъ недовольствѣ широкихъ крестьянскихъ массъ, царизмъ задумалъ поставить въ видѣ барьера кровавую угрозу погрома семи-милліонному еврейскому населенію, той наиболѣе угнетенной въ Россіи нации, которая издавна разсматривалась царизмомъ какъ вѣчно „бунтующій“, непокорный элементъ. Создавъ лживую сказку объ „падахъ“, потребляющихъ христіанскую кровь, черносотеннымъ демагогамъ важно было направить по желательному погромному руслу слѣпое раздраженіе и стихійную энергію темныхъ слоевъ народной массы, которые были уже однажды использованы ими въ октябрьскіе дни. Это была старая испытанная тактика царизма, уже разъ примѣненная къ аналогичной общественной обстановкѣ наканунѣ перваго революціоннаго взрыва покойнымъ Плеве въ Кишиневѣ въ 1903 г. Это была та самая тактика, сущность которой когда то нынѣшній редакторъ „Кіевлянина“ Шулгинъ выразилъ откровенно съ думской трибуны словами, что

„всякая новая революція въ Россіи пойдетъ по трупамъ евреевъ“ и которую нынѣ лишь перефразировалъ небезызвѣстный вождь правой Хвостовъ, цинично заявивъ, что осужденіе Бейлиса нужно было идейнымъ вдохновителямъ погромщиковъ, какъ гарантія противъ новой революціи.

Но и на этотъ разъ шахматная игра російскаго абсолютизма такъ же, какъ и въ 1903 г., сорвалась. И такъ же, какъ и послѣ Кишинева заставившаго содрогнуться даже буржуазную Европу, русскій царизмъ въ дѣлѣ Бейлиса со своими вѣдмами, колдовствомъ, „чирьями на сѣдлицахъ“ и „струпами“ остался въ почтенной компаніи Замысловскаго, Амвросія и Вѣры Чеберякъ, представлявшихъ съ одной стороны интересы все тѣхъ же ста тридцати тысячъ дворянъ, съ другой стороны идеологию того уголовного міра, на который могутъ опереться лишь духовно обанкротившіеся, полуистлѣвшіе классы. И подобно тому, какъ послѣ Кишинева, ужасъ передъ злодѣяніемъ Плеве и барона Левендаля объединилъ самые разношерстные политическіе слои противъ царизма, такъ и дѣлу Бейлиса суждено было стать очереднымъ этапомъ, отмѣтившимъ крахъ заключеннаго контръ-революціонными группами союза, и если раньше вокругъ висѣлицы, локаута, преслѣдованія рабочихъ организацій во имя лозунга: «смерть революціи!» сплотились противъ революціонной демократіи самыя разнородныя общественныя группы, начиная отъ Замысловскаго до Струве и Милюкова включительно и если имя Столыпина и «столыпинщины» стало символомъ націоналистическаго разгула, объединившаго и кадетскаго автора «Великой Россіи» и бесарабскаго депутата В. Пуришкевича, то дѣло маленькаго, вчера никому неизвѣстнаго приказчика съ завода Зайцева закончило процессъ давно уже намѣтившагося развала по-революціоннаго союза, развала, вызваннаго снизу давленіемъ оживающей революціи и сверху все усиливавшимся темпомъ наступленія совѣта объединеннаго дворянства. Въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ распада реакціи, дѣло Бейлиса имѣетъ такое же значеніе, какое имѣлъ въ свое время нашумѣвшій процессъ Дрейфуса, показавшій лишній разъ въ большомъ міровомъ масштабѣ, что всякая юстиція есть орудіе классовой мести и поставившій во Франціи крестъ надъ буланжизмомъ и націоналистической травлей. Несомнѣнно, что и дѣло Дрейфуса разыгралось на почвѣ откола отъ зарвавшагося воинствующаго націонализма, инертно плетущихся въ его хвостѣ общественныхъ слоевъ, на почвѣ защиты самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ, попираемыхъ клерикально-националистической реакціей.

Это, конечно, не значитъ, что завтра вчерашніе союзники, запуганные новымъ революціоннымъ кризисомъ, не подадутъ другъ другу руки, но сегодня было бы безразсудствомъ не использовать и не учесть создававшагося для царизма невыгоднаго положенія, было бы политической ошибкой не кинуть въ массы лозунга республики, какъ очереднаго лозунга дня, который можетъ быть поддержанъ демократіей и встрѣтилъ бы нынѣ меньше сопротивленія со стороны тѣхъ, кто отмежевался въ кievскомъ процессѣ отъ царизма.

Никакой другой судебный процессъ не могъ такъ взбудоражить либеральную буржуазію, не могъ сыграть такой политической роли, какъ дѣло Бейлиса, не потому, чтобы тамъ не было наличности вопіющаго, беззащитнаго произвола, не было безпримѣрнаго глумленія надъ «цивилизацией» и «общественной совѣстью», не было кровавыхъ тайнъ застѣнка, пытокъ, невинно осужденныхъ, фальсификація „обвинительнаго матеріала“, подкупа свидѣтелей, провокація. Все это вы найдете во всѣхъ политическихъ процессахъ, о которыхъ обычно молчали нынѣ заволановавшіеся въ приливѣ гражданскаго чувства долга либеральныя газеты, подготовившія своимъ попустительствомъ и чисто рабьей покорностью въ годы 1907—11 самую возможность суда надъ Бейлисомъ. Все это стало въ годы взбѣсившейся контръ-революціи обычными приемами російскаго суда, объ этомъ кричить многоголосымъ стономъ рус-

ская политическая каторга. Но въ томъ то и отличие этого процесса отъ другихъ, что въ Кіевѣ, считая «расными нитками ложь о крови, о „матѣ“ пала на голову цѣлой, наиболѣе угнетенной націи, тогда какъ русскіе военные суды въ теченіи семи лѣтъ затягивали петли, стали въ Акатуй, Алгачи, Кутомару представителей наиболѣе угнетеннаго класса.

Въ условіяхъ происшедшаго размежеванія классовъ и выросшей за время революціи партійной группировки цѣлый рядъ потрясающихъ политическихъ процессовъ протекалъ при полной атии російской буржуазіи. Ни судъ надъ совѣтомъ рабочихъ депутатоу, ни арестъ с.-д. ой фракціи 2-ой Г. Думы не повлекли за собой серьезныхъ протестовъ въ „оппозиціонныхъ“ кругахъ противъ „навѣта“, изобрѣтеннаго охранными Чеберячками-Шорниковыми, не сдѣлались центромъ такъ называемаго „общественнаго“ вниманія.

Правда, въ до-революціонное время бывшие процессы въ неорганизованной, политически распыленной средѣ порой являлись фокусомъ, гдѣ преломлялось общественное возбужденіе. Но въ пореволюціонный періодъ такимъ центромъ вниманія могъ быть лишь процессъ, представлявшій въ извѣстномъ смыслѣ нейтральную почву, на которой стихала и притуплилась борьба между умѣренной оппозиціей и революціонной демократіей. Именно потому, что въ кіевскомъ залѣ суда столкнулись два классовыхъ міровоззрѣнія — на одномъ полюсѣ Азія со швайкой, съ церковно-синодскою язвою, съ Рудзинскимъ, Сингаевскимъ и Випперомъ, съ воровской королевой и героиней реакціи Вѣрой Чеберякъ и старцемъ праведной жизни отцомъ Автономомъ, съ легендами, съ чисто азіатскимъ невѣжествомъ, на другомъ полюсѣ — Европа съ ланцетомъ, съ критическимъ рационализмомъ, съ учеными Кадьяномъ, Павловымъ и Бехтеревымъ, со всей буржуазной наукой — именно потому процессъ Бейлиса вышелъ изъ границъ русской территоріи и сталъ предметомъ вселенныхъ толковъ въ Европѣ.

У самаго порога Европы вновь всплыла темная сила средневѣковыхъ предразсудковъ, идеологія временъ костра, пытки, колдовства, поднялось тяжелой земной глыбой варварство, исконная русская азіатщина, угрожающая самымъ основамъ буржуазной цивилизаціи. До тѣхъ поръ, пока официальная Россія выступала въ роли европейскаго жандарма, пока она боролась всѣми варварскими средствами съ революціоннымъ пролетаріатомъ, пока она устраивала съ представителемъ еврейской буржуазіи Гинзбургомъ ритуальное жертвоприношеніе на Ленѣ европейскій капиталъ видѣть въ этихъ мѣрахъ лишь проявленіе курса „успокоенія“, гарантирующаго устойчивость дивиденда. Но когда логически докатившаяся до кіевского обвиненія контръ-революціи попыталась смиренного пнока Неофита выдвинуть въ качествѣ неопровержимаго авторитета для г. Клемансо, когда она попробовала притащить за волосы къ ритуальнымъ убійствамъ даже главу „кнуто германской имперіи“ Вильгельма, здѣсь она неизбежно получила отпоръ и осталась одинокой и покинутой своими европейскими друзьями, ибо дѣло Бейлиса подрывало самыя основы буржуазнаго правопорядка. И если царская монархія кіевскимъ дѣломъ добивалась этой черносотенно-погромной изолированности и если она хотѣла открыто опереться на разбойничьи шайки взломщиковъ, патріотовъ съ „оомкой“, невѣстненное монашество, одичавшее, озвѣрѣлое крѣпостничество, однимъ словомъ на вполне окристаллизовавшійся слой русской реакціи, то она дѣйствительно побѣла въ этомъ рекордѣ; ей несомнѣнно удалось отвести отъ себя въ вопросѣ о ритуальныхъ убійствахъ даже „писателей“ изъ „Кіевлянина“, вырыть вокругъ себя такую могилу, какую смогъ лишь выкопать для царизма покойный Плеве.

И самый судебный процессъ приобрѣлъ оттого огромное политическое значеніе и отразилъ въ себѣ въ неприкрытомъ видѣ весь остоветъ классовыхъ отношеній по-революціоннаго времени. Кто за или противъ Бейлиса — стало такъ же, какъ и въ дѣлѣ Дрейфуса, характернымъ при-

знакомъ, опредѣляющимъ политическій символъ вѣры той или другой общественной группы, вопросомъ дѣленія Россіи на противоположные лагери. Противъ Бейлиса стоялъ прежде всего царизмъ со всей исторической традиціей „кровavaго навіта“ съ призраками саратовскаго и великаго дѣла, въ которыхъ русскіе самодержцы сыграли далеко не второстепенную роль. Для монархіи вопросъ о ритуальныхъ убійствахъ являлся ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ боевой политики, пресловутымъ авіатскимъ приѣмомъ вскаго абсолютизма, использующаго національные конфликты въ цѣляхъ ослабленія и дезорганизации страны, охваченной революціоннымъ броженіемъ. Въ Турціи, напримѣръ, наканунѣ революціи эти характерныя для восточныхъ государствъ приемы достигли своего наивысшаго расцвѣта при Абдуль-Гамидѣ, умѣло разжигавшемъ національную вражду между подданными, прорывавшуюся періодически Варооломеевскими рѣзнями армянъ. Они культивировались правительствомъ и у насъ на Кавказѣ, гдѣ въ началѣ 1905 г. выдѣлились въ знаменитую армяно-татарскую бойню, они же были пушены въ ходъ незабвеннымъ Плеве при подготовленіи Кишиневскаго погрома. Когда въ 1905 г. у насъ разразилась революціонная гроза и самодержавіе повисло надъ пропастью, откуда взирала на него предостерегающая тѣнь Людовика XVI, царизмъ судорожно ухватился за старое знакомое средство, прибѣгнувъ на этотъ разъ къ организаціи всероссійскаго погрома въ огромномъ общенациональномъ масштабѣ. Тутъ уже не было времени и надобности цитировать Библію и Талмудъ для обоснованія этической стороны рѣзни, отвѣчавшей всему духу ученія синодскаго Христа, тутъ было не до экспертовъ, оправдывающихъ пытки Дамаскаго дѣла, тутъ было не до теоретическихъ диспутовъ и богословскихъ изысканій о числѣ 13, тутъ шла не разсуждающая, слѣпая практика, приносившая въ закланіе тысячи человѣческихъ жизней. Нищій еврейскій ремесленникъ черты осѣдлости несть отвѣтственность не только за то, что 19 вѣковъ тому назадъ еврейскіе книжники типа Пранайтиса и фарисеи вродѣ Замысловскаго распяли легендарнаго Христа, онъ былъ принесенъ въ искупленіе злодѣяній царизма за Ялу, за Мукденъ, за Цусиму, за всѣ несчастья русскаго народа.

Здѣсь въ чадѣ погромовъ, въ дыму рѣзни началъ впервые выясняться еще туманный силуэтъ того „національнаго лица“, которое такъ увлекало пореволюціонныхъ либеральныхъ публицистовъ и сыграло роль такого козыря въ рукахъ Столыпина. Здѣсь въ азартѣ непосредственнаго, цинично откровеннаго бояческаго разгула вырисовались всѣ черты того „конституціоннаго“ націонализма 1907-10 годовъ, который всѣми своими корнями вросалъ въ нелепую погромную практику 1905-6 гг. Правда, въ условіяхъ стихшихъ политическихъ буръ и сорганизовавшейся контръ-революціи онъ видоизмѣнилъ форму внѣшнюю оболочку, но и одѣвъ равное тряпье третьионской конституціи, онъ сохранилъ сущность своей политики, рассчитанной на сѣяніе вражды, ненависти, натравливанія одной части населенія на другую. Конечно, онъ могъ въ зависимости отъ обстоятельствъ мѣнять маски, лавировать, приспособляться: сегодня, разрывая всѣ гарантіи финляндской конституціи, онъ могъ дедологически отстѣпавъ равноправіе евреевъ въ Финляндіи, завтра поддерживая лозунгъ бойкота евреевъ, кинутой въ Польшѣ черносотенной шпактой, становиться на сторону поляковъ противъ евреевъ; сегодня впиваясь въ горло оскалоненной Польши, вырывая у нея Холмщину онъ плакалъ крокодиловыми слезами объ угнетенномъ украинскомъ населеніи, возбуждалъ галичанъ противъ поляковъ, завтра душилъ на Украинѣ „мазеповщину“, преслѣдуя школу, языкъ, прессу украинскаго народа. Онъ появлялся то въ видѣ оголтелыхъ проектовъ націонализации промышленности и торговли, то въ видѣ подновленной теоріи нео-славянофильства, которая еще со времени Каткова и Побѣдоносцева служила идейной опорой царскаго самовластія.

Противъ Бейлиса встала церковь, какъ подчиненная государству организация, готовая въ политическихъ пѣляхъ канонизировать Юдинскаго для вящаго посрамленія іудейства. Не важно, конечно, кто сочинилъ и поддерживалъ легенду о ритуалѣ, выкопала ли ее ка олиска въ церковь во время инквизиціи или отцы А. тоніи Волынскіе въ XX вѣщъ, важна та роль, какую играла въ продолженіе вѣковъ церковь, какъ оплотъ самодовлѣющаго невѣжества, какъ благопріятная среда, питающая всѣми своими соками религіозныи фанатизмъ и ученія, разсчитанныи на грубые запросы обмороченной толпы. И если царизмъ пользовался религіознымъ фанатизмомъ, какъ орудіемъ политической борьбы то подогрѣвала и пропагандировала его закабаленная синодская церковь Эта всегдашняя сторона церковной дѣятельности обслуживающей въ Россіи интересы свѣтской власти, приобрѣла въ годы контръ-революціи огромное значеніе: монастыри, куда стекались тысячи неосвободившихся отъ религіознаго помѣшательства людей, превратились въ трибуны черносотенной агитаціи, подготовлявшей ту почву, на которой выросли и расцвѣтали и звѣриный антисемитизмъ, и дѣло Бейлиса.

Противъ Бейлиса поднялось, наконецъ, деклассированное выродившееся босячество—внизу въ лицѣ спянныхъ «круговой порукой» посѣтителъ салона Вѣры Чеберякъ, для которыхъ кievскій процесъ, какъ и октябрьскій погромъ, открывалъ заманчивыи перспективы безнаказаннаго „мокраго“ дѣла, вверху въ лицѣ салона гр. Игнатьевой, Совѣта объединеннаго дворянства, носящаго въ своемъ обликѣ всѣ типичныи черты духовнаго босячества. Не случайна, конечно, эта связь русской реакціи съ уголовнымъ міромъ, связь, которую выразилъ когда то во дни одесскаго погрома генералъ Каульбарсъ безсмертными словами: „Мы всѣ сочувствуемъ погрому“. Этой родственной близостью съ уголовщиной характеризуется всѣмъ чуждосотенная реакція, поролившая интендантскую Панаму, Ухачей Огоровичей и рейнботовщину, однимъ словомъ, всѣ тѣ явленія, которыи составляли „душу“ третейскаго режима. Что же удивительнаго, если все дѣло Бейлиса пришло подъ знакомъ естественнаго союза вилеронщины съ уголовными подонками, обнаруживъ липшии разъ полное гніеніе и моральный развалъ всего третейскаго блока.

Чтобы встать на защиту Бейлиса, не требовалось ни особеннаго гражданскаго мужества, ни чуткой соціалистической совѣсти, для этого нужно было обладать известной минимальной долей буржуазнаго здраваго смысла, облекающаго въ современномъ обществѣ всекое и силіе въ „европейскія“ правовыи формы. На защиту Бейлиса толчалъ такъ называемую оппозицію простой политической расчеъ, стремящаяся морально изолировать реакцію, поставить ее за предѣлами „права“ и „культуры“. Учитывала ли лойальная „оппозиція“ послѣдствія изоляціи романовской монархіи — не важно, но разъ царизмъ изолированъ, революція должна усилить натискъ, ибо всякій крахъ царизма есть новая побѣда революціоннаго народа.

Отъ обороны къ наступленію, отъ стачки-демонстраціи къ стачкѣ-возстанію — вотъ та очередная задача, которая диктуется намъ политическимъ положеніемъ страны. И не подъ беззубымъ легальнымъ лозунгомъ россійскаго либерализма: „Долой кровавыи навѣтъ!“ будетъ идти дальнѣйшее собираніе разбуженныхъ силъ революціи. Не никемъ нымъ кадетскимъ требованіемъ реформы щеголивого суда успокоить охваченную революціоннымъ движеніемъ страну. На кievскій процесъ, на обвиненіе Бейлиса россійскій пролетаріатъ отвѣтитъ борьбой за полный демократическій переворотъ къ которому ведетъ путь тяжелыхъ, но неизбежныхъ жертвъ, путь всенароднаго возстанія.

И. Безработный.

Темное царство.

Безъ малаго десять лѣтъ прошло со времени московскаго возстанія, а порой все еще кажется, что живемъ мы наканунѣ его.

Медленными шагами плетется старшка-русская жизнь. Какъ заѣженная кляча, уныло тащится черезъ широкое поле страданій народныхъ. И надъ полемъ мракъ, и надъ полемъ мгла, словно не видно разсвѣта вдали.

Торжествуетъ еще очагъ зла — самодержавіе. Кровожаднымъ, отвратительнымъ спрутомъ впивается оно въ истерзанное тѣло русской жизни. Какъ ненасытный палачъ, жадно казнить свободу и свѣтъ на Руси. Воздвигаются висѣлицы, растутъ тюрьмы, произволь и насиліе, какъ было тогда, въ тѣ дни, наканунѣ.

Не истлѣли еще и ржавые столбы, поддерживающіе гнилой самодержавно-бюрократическій рѣжимъ на Руси. Живы еще феодалы-помѣщики.

Какъ будто все постарому.

Но сквозь мракъ и нависшую мглу все чаще и чаще сверкаютъ зарницы народнаго гнѣва и громче звучитъ властный голосъ пролетаріата. Онъ говоритъ о желанномъ разсвѣтѣ.

Растутъ и крѣпнутъ силы революціи, несмотря ни на что, или по послѣдствію: „Чѣмъ глубже ночь, тѣмъ ярче звѣзды“. Растетъ и крѣпнетъ рабочее самосознаніе, а съ нимъ вмѣстѣ — и рабочія организаціи. Забастовки послѣдняго времени ясно свидѣтельствуютъ объ этомъ.

И можетъ быть, не далекъ тотъ моментъ, когда послѣдній и рѣшительный натискъ пролетаріата смететъ позорное иго самодержавія.

Но твердо и смѣло о неизбѣжности рѣшительнаго момента, мы не должны забывать, товарищи, что пролетаріатъ станетъ у власти лишь опираясь на братскую руку неимущаго крестьянства.

Работу же въ деревнѣ за послѣднее время мы совершенно забросили.

Гдѣ причины такого равнодушія къ деревнѣ? Въ общей ли разрухѣ нашихъ организацій въ послѣднее время или же въ quasi-буржуазной реформѣ 9-го ноября?

Первая причина вполне понятна и заслуживаетъ оправданія. Занятые возстановленіемъ разбѣянныхъ тяжелымъ безвременьемъ рабочихъ организацій, мы часто не имѣли физической возможности возстановить одновременно и связь съ деревней для систематической революціонной работы.

Вторая же причина (если она есть) исключается, какъ таковая, даже самымъ бѣглымъ разсмотрѣніемъ результатовъ дѣйствія закона 9 ноября.

Положеніе русской деревни говоритъ намъ краснорѣчиво:

Нѣтъ старой подгнившей общины, но нѣтъ и крѣпкаго хуторскаго хозяйства.

То есть, нѣтъ того тормоза, который смогъ бы надолго успокоить голодную, разоренную деревню, на многіе годы похоронить крестьянское движеніе.

Всѣ мѣры и полумѣры правительства за 6 лѣтъ дѣйствія закона не дали ничего кромѣ усиленія пауперизаціи большинства — съ одной стороны и капитализаціи меньшинства — съ другой.

Укрѣпили свои хозяйства многоземельные и деревенскіе богатѣи и разорились окончательно малоземельные.

Средній же типъ крестьянскаго хозяйства остался владѣть свое незавидное существованіе съ вѣчнымъ недостаткомъ необходимаго инвентаря, скота и съ новой кабалой, созданной выходами на хутора.

Часть же крестьянъ и выдѣляется лишь съ единственной цѣлью осво-

бодиться совѣмъ отъ земли, отъ того ничтожнаго надѣла въ двѣ—три десятины, который съ давнихъ поръ не въ состояннн кормить крестьянскую семью.

Есть не мало и такихъ, которые купивъ небольшой участокъ земли черезъ крестьянскій банкъ, не въ силахъ доходами съ него платить ежегодные проценты и погашенія. Они сдаютъ купленную землю въ аренду за самую ничтожную плату.

Недостатокъ орудій, рабочаго скота и даже необходимыхъ построекъ исключаетъ всякую возможность вести хозяйство.

Словомъ, яркіе обманчивые цвѣты новой крестьянской реформы дали слишкомъ горкіе плоды. И лишь еще разъ стало ясно, въ какія хитрыя сѣти лавить дворянско-царское правительство народное самосознаніе. Еще разъ стало ясно, какъ благодѣтельствуя темнаго мужика.

Съ каждымъ годомъ растетъ процентъ отходящихъ изъ деревни на промыслы и фабрики.

Истощенная плохой обработкой земля скудно родитъ хлѣбъ бѣдняку крестьянину. И нѣтъ возможности обнищавшей, разоренной деревнѣ бороться съ перемежающимися голодовками и ужаснымъ, какъ грозное чудовище, неурожаемъ.

Тяжелую картину далъ голодъ 1911—1912 годовъ. Мы видѣли, какъ рушилось крестьянское хозяйство. За 5 и даже 3 рубля продавали послѣднюю кормилицу—корову. Сами пухли съ голода, болѣли и умирали отъ голоднаго тифа и гнили живыми отъ цынги.

Были случаи продажи родныхъ дочерей въ очаги разврата.

Несмотря на „благодѣтельствующіе“ деревню законы: 9-го ноября и 14 июля, все чаще и чаще съ унылыхъ полей деревни вѣетъ тоской запустѣнія.

А темнота и безправіе крестьянина заставляютъ его попрежнему продавать и гнуть спину передъ начальствомъ и помѣщикомъ и молча сносить свою тяжелую долю „тягловой сѣрой скотинки“, какъ называютъ его обиралы — правители.

Какъ тяжелыя свинцовыя тучи, нависъ мракъ надъ деревней. Словно всѣ пути ей заказаны, и нѣтъ у нея дорогъ къ свѣту и самосознанію.

Тамъ еще темное царство.

Грамотныхъ въ деревнѣ такъ мало, что большею частію заходустныя деревни живутъ, какъ въ потьмахъ, не зная о той жизни, что проходить за предѣлами ихъ владѣній. Да, если и есть кому почитать случайно попавшую въ деревню газетку, то нѣтъ возможности разобраться во всемъ томъ, что происходитъ на широкомъ полѣ общественной жизни.

Нерѣдко въ дни свободъ, въ тѣ дни, когда рабочіе—кость отъ кости деревни, своею кровью поливали землю за общее народное дѣло, крестьяне убивали попавшихъ къ нимъ пропагандистовъ.

Живъ еще и понынѣ духъ темноты крестьянской. Еще крѣпко стоятъ страхи и сѣ тели ея—помѣщики и духовенство.

Но намъ пора, товарищи, бросить яркій лучъ свѣта въ деревню, въ ея темное царство.

Наша задача, товарищи, во время притти на помощь къ нашей младшей сестрѣ.

Будемъ же торопиться завязать связи съ деревней черезъ недавно выпешшихъ изъ нея. Будемъ ставить тамъ свои организаціи для систематической революціонной работы.

Да будетъ славное рабочее знамя надежнымъ маякомъ для заблудившейся въ сумеркахъ деревни.

Вспомнимъ дни революціи, ту необузданную силу крестьянскихъ востаній, что беспощадно, какъ стихія крушила все на пути, сѣяла грозный пожаръ и разгромы помѣщичьихъ хозяйствъ. Окинемъ, хотя бы бѣглымъ взглядомъ картины и сейчасъ кое-гдѣ вспыхивающихъ искръ и

костровъ недовольства и возмущенія немущихъ въ деревнѣ, и сжжемъ разъ навсегда:

Мы обуздаемъ стихійную силу свѣтлымъ сознаніемъ!

Пусть разсѣется царство мрака, и сознательная крестьянская бѣднота вступитъ увѣренной ногою на революціонную дорогу пролетаріата! Ибо ея путь только съ нами, черезъ учредительное собраніе къ Демократической Республикѣ, которая лишь одна сможетъ вывести русскую деревню изъ того тупика нищеты и безправія, въ который такъ тщательно загоняетъ ее дворянское правительство.

Не будемъ забывать также, товарищи, что на страницахъ исторіи Великой Французской Революціи была контръ-революціонная феодальная Вандея.

Пусть на страницахъ нашей исторіи не будетъ второй Вандеи!

Русская деревня — это спящій великанъ. Поспѣшимъ же во время разбудить его!

Ольга Лѣвая.

Агитація въ арміи и военныя организаціи.

Громадный ростъ рабочаго движенія за послѣднія десятилѣтія—завоеванія пролетаріата въ области парламентской борьбы съ одной стороны, политическія и экономическія стачки, принимающія до сихъ поръ небывалые размѣры и нерѣдко носящія грозно-революціонный характеръ — съ другой, — показываютъ, что капиталистическому строю грозитъ серьезная опасность отъ зарождающагося въ нѣдрахъ его новаго — социалистическаго — строя, что буржуазіи вскорѣ придется вступить въ ожесточенный и, можетъ быть, кровавыя битвы со своимъ неотразимымъ врагомъ—пролетаріатомъ, — послѣднія битвы передъ паденіемъ буржуазнаго міра...

Что буржуазія видитъ навигающуюся опасность, что она, вопреки желаніямъ и чаяніямъ социалистовъ-реформистовъ, безъ кровавыхъ столкновеній съ буржуазіей надѣющихся добиться социалистическаго строя — не собирается безъ боя уступить своихъ позицій, — показываютъ тѣ мѣры, которыя она, невѣдомо для рабочаго класса, принимаетъ противъ „внутренняго врага“. Ибо всѣ тѣ миллионы солдатъ, всѣ тѣ 12-ти и 14-ти дюймовыя пушки, пулеметы и скорострѣльныя винтовки, которыя находятся въ распоряженіи современныхъ великихъ и малыхъ державъ, — все это предназначено не только для колониальныхъ грабежей и охраны интересовъ капиталистовъ „отъ чужеземнаго нашествія“: въ главныхъ штабахъ какъ республиканскаго Парижа, такъ и монархическаго Берлина и др. столицъ имѣются подробные и со знаніемъ дѣла разработанные планы мобилизацій на случай возстанія рабочаго класса... И, конечно, буржуазія имѣетъ основанія бояться врыва. Съ одной стороны — экономическое развитіе современныхъ культурныхъ странъ достигло весьма высокой ступени, — ступени, на которой является уже возможнымъ обобществленіе средствъ производства; съ другой стороны—соціальныя конфликты послѣднихъ лѣтъ носятъ такой характеръ, что возможны взрывы пролетарскихъ возстаній, цѣлью которыхъ будетъ захватъ средствъ и орудій производства.

Главной опорой капиталистическаго строя является вооруженная сила—армія. Ее то и нужно „завоевать“ рабочему классу, чтобы съ наибольшимъ успѣхомъ и съ наименьшимъ количествомъ жертвъ добиться новаго общественнаго строя, ибо если бы даже социальная революція назрѣла идейно и экономически, то все же еще необходимо подготовить ее технически. А технически легче будетъ провести ее при помощи организованной вооруженной силы. Нечего надѣяться только

на то, что современемъ, при всеобщей воинской повинности или даже народной милиции, все большія и большія рабочія массы будутъ въ состояніи умѣло владѣть оружіемъ и въ самый моментъ революціи составлять тѣ кадры, которые вполне успѣшно будутъ бороться съ полками господствующаго класса: отсутствіе заранѣе приготовленной плановой организаци и умѣлаго руководства — при современномъ развитіи военной техники—легко могутъ доставить арміи буржуазіи побѣду надъ боевыми рабочими кадрами.

Не будемъ здѣсь останавливаться на вопросахъ, связанныхъ съ предстоящей социалистической революціей и возможной ролью арміи въ ней: къ этимъ вопросамъ социалистамъ всѣхъ странъ придется еще возвращаться. Перейдемъ къ нашимъ, российскимъ, условіямъ и къ той роли, какую играла и играетъ армія въ нашей революціи.

Въ данный моментъ революционизированіе арміи для насъ, российскихъ социалистовъ, играетъ еще большую роль, чѣмъ для нашихъ западноевропейскихъ товарищей. Тамъ, въ Западной Европѣ, уже почти повсюду завоеванъ болѣе или менѣе демократическій государственный строй, значительно облегчающій борьбу за социализмъ, тогда какъ намъ приходится еще только бороться за демократическое государственное устройство. И что въ дальнѣйшемъ ходѣ революціи, въ дальнѣйшей борьбѣ революціонныхъ массъ съ самодержавіемъ арміи придется играть не послѣднюю роль, въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Поэтому нужно озаботиться, чтобы малосознательныя солдатскія массы — сильнѣйшая опора самодержавія — превратились изъ слѣпыхъ защитниковъ стараго режима въ сознательныхъ враговъ его. Что это возможно, доказываютъ событія предыдущихъ лѣтъ, когда революціонныя гарнизоны Свеаборга, Кронштадта, Севастополя и др. городовъ заставляли дрожать царя и его банду; да и не прекращающееся броженіе въ арміи и во флотѣ въ теченіе всѣхъ послѣднихъ лѣтъ явно говоритъ за то, что живъ еще революціонный духъ въ солдатскихъ массахъ...

Россійская социальдемократія до сихъ обращала не особенно много вниманія на агитацію въ войскахъ и созданіе военныхъ организацій. Правда, незадолго до 1905 г. и въ періодъ революціоннаго подъема велась довольно усердная пропаганда въ войскахъ, и въ нѣкоторыхъ военныхъ возстаніяхъ, напр., въ Свеаборгѣ социальдемократы играли руководящую роль. И Лондонскій съѣздъ призналъ необходимымъ усилить агитаціонную и организаціонную дѣятельность въ арміи, издавать постоянный солдатскій органъ и социальдемократическую агитаціонную литературу для солдатъ и матросовъ. Но, къ сожалѣнію, эти постановленія не были проведены въ жизнь, и слѣдующему партійному съѣзду придется еще на нихъ остановиться.

Въ годы реакціи почти совершенно прекратились связи партіи съ арміей. И даже въ послѣдніе годы, годы революціоннаго подъема рабочаго движенія и оживленія дѣятельности партійныхъ организацій, рѣдко гдѣ возобновляются связи съ солдатами, не говоря ужъ о правильной пропагандѣ и созданіи правильныхъ организацій. Въ этомъ отношеніи и ликвидаторы, и правые б-ки сдѣлали одинаково „много“, т. е. ничего. Какъ тѣ, такъ и другіе на своихъ „конференціяхъ“ говорили и говорятъ о борьбѣ за демократическую республику, а какимъ образомъ революціонныя массы русскаго народа добьются этой республики, добьются этой республики безъ содѣйствія хотя бы одной части арміи, этого, навѣрно, не смогутъ сказать ни ликвидаторы ни „ленинцы“. Вѣдь не „петиціонными кампаніями“ же или устройствомъ расколовъ въ различныхъ партійныхъ группахъ завоевываютъ демократическія республики...

Той работы, которую въ послѣдніе годы вели въ войскахъ лѣвые большевики и нѣкоторыя партійныя организаціи, напр., Севастопольская, организація, въ силу, такъ сказать, установившейся традиціи не прекращавшія дѣятельности въ арміи,—этой работы слишкомъ недостаточно

въ сравненіи съ громадною областю, требующей примѣненія социальдемократическихъ силъ. За работу въ арміи должны вѣзаться всѣ партійныя организации. Только тогда социальдемократія вовлечетъ въ сферу своего вліянія солдатскія массы, по духу своему всегда бывшія восприимчивыми къ революціонной и социалистической пропагандѣ, да иначе и быть не можетъ: вѣдь армія въ массѣ своей составлена изъ рабочихъ же да обездоленныхъ крестьянъ.

Какъ должна вестись наша работа въ арміи? Въ этомъ отношеніи намъ во многомъ нужно брать примѣръ съ нашихъ западно-европейскихъ товарищей. Тамъ давно уже существуютъ „юношескія организации“, съ 1906 года объединенныя въ *международный союзъ*. Цѣль этихъ организаций, между прочимъ, воспитаніе юношества въ духѣ социализма и *антимилитаристская агитація*. Во *всѣхъ* западно-европейскихъ государствахъ существуютъ эти юношескія организации, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ ведущія антимилитаристскую агитацію, издающія соответствующую литературу и распространяющія ее среди новобранцевъ и солдатъ. Бывшіе члены юношескихъ организаций, попавши на службу, конечно, не прекращаютъ сношеній со старою организацией и продолжаютъ свое дѣло — антимилитаристскую агитацію — среди новыхъ товарищей-солдатъ, хоти и въ Западной Европѣ такая агитація воспрещена закономъ и строго наказывается. Что дѣятельность социалистовъ въ области военной пропаганды дала хорошіе результаты, доказали извѣстныя большія стачки въ Швеціи, Бельгіи, Франціи, гдѣ нѣкоторые части солдатъ не разъ выражали свои симпатіи забастовщикамъ. Да и совсѣмъ недавно еще въ цѣломъ рядѣ французскихъ гарнизоновъ (въ Бельфорѣ, Парижѣ, Бордо и др.) шли массовые протесты солдатъ противъ введенія трехгодичнаго срока службы вмѣсто существовавшаго двухлѣтняго, — протесты, нерѣдко сопровождавшіеся пѣніемъ „Интернаціонала“ и доказавшіе, что французскій солдатъ не слѣпое орудіе въ рукахъ начальства, а человѣкъ, живущій сознательной жизнью гражданина свободной страны.

Слѣдую примѣру нашихъ западно-европейскихъ товарищей, и намъ нужно прежде всего развить дѣятельную агитацію среди юношей, въ ближайшіе годы подлежащихъ призыву на военную службу; намъ нужно создать свои юношескія организации какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, и повести въ нихъ усиленную антимилитаристскую агитацію въ духѣ социальдемократіи.

Конечно, только этимъ наша дѣятельность не можетъ ограничиться. Намъ нужно перенести нашу социальдемократическую агитацію въ ряды самой арміи и для этого прежде всего создать соответствующую литературу. Жалкое матеріальное положеніе русскаго солдата ужъ само собою рождаетъ недовольство въ солдатскихъ массахъ. Мы это недовольство должны использовать, указывая на связь незадѣднаго экономическаго положенія солдата съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ странѣ, на воровство начальства, интендантскіе процессы и т. д.

Намъ нужно возобновить наши *военныя организации*.

Каковы же должны быть тѣ организационныя формы, въ которыя могутъ вмѣститься массы революціонныхъ солдатъ? Принимая во вниманіе тѣ особыя условія, въ какихъ живетъ солдатъ, намъ придется сказать, что формы солдатскихъ организаций не всегда будутъ соответствовать формамъ пролетарскихъ организаций. Возобновляя дѣятельность въ арміи, намъ нужно особое вниманіе обратить на развитіе самостоятельности солдатъ, возбудить въ нихъ стремленіе къ самоорганизации. Въ самой казармѣ должны создаваться социалдемократическіе коллективы, которые имѣли бы непосредственное вліяніе на солдатскія массы, которые могли бы вести организационную и агитационную работу и въ такихъ случаяхъ, когда на время прерваны связи съ пролетарскою органи-

зацій; эти же коллективы согласовали бы выступленіе арміи съ дѣйствіями рабочихъ организацій и во время общаго массоваго движенія.

Чтобы успѣшно вести военную работу, нѣтъ надобности основать при общегородскихъ комитетахъ спеціальныя громоздкія „военныя организаціи“ изъ интеллигентовъ и рабочихъ, какія въ 1906—7 гг. существовали почти при всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ социальдем. организаціяхъ, — автономныя военныя организаціи со своими финансовыми и литературными комиссіями, пропандистскими и др. коллегіями, при чемъ между ними и пролетарскими организаціями нерѣдко происходили крупныя тренія... Пусть всѣ дѣятели пролетарской организаціи, способные вести работу въ войскахъ, составятъ особую „военную коллегію“. Члены этой коллегіи распредѣлятъ между собою отдѣльныя части мѣстнаго гарнизона, соединяя обязанности организатора, агитатора и пропагандиста въ одномъ лицѣ: опытъ прежнихъ лѣтъ показалъ, что въ военной работѣ обязанности организатора и агитатора трудно отдѣлять другъ отъ друга. Военная коллегія должна стоять въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ мѣстной руководящей пролетарской коллегіей (городскимъ комитетомъ), въ кассу которой должны вноситься и солдатскіе членскіе взносы (гдѣ таковыя возможны). На обязанности мѣстнаго руководящаго пролетарскаго центра должно лежать изданіе солдатскаго органа и др. литературы, причемъ въ качествѣ сотрудниковъ должны быть привлечены члены военной коллегіи и — по возможности — солдаты. Чтобы легче и вѣрнѣе установить связи съ казармой, мѣстныя рабочія организаціи должны пригласить своихъ членовъ указать на тѣхъ своихъ знакомыхъ и родныхъ, которые находятся на военной службѣ, а также войти въ сношенія съ организаціями тѣхъ городовъ и областей, гдѣ главнымъ образомъ набранъ мѣстный гарнизонъ. Такимъ образомъ, приобретутся непосредственныя связи съ бывшими членами партіи, попавшими въ солдаты.

Наши военныя организаціи должны войти въ тѣсныя отношенія съ военными организаціями другихъ партій (гдѣ таковыя существуютъ). Это поможетъ намъ впредь избавить революціонныя солдатскія массы отъ тѣхъ кровавыхъ жертвъ, что сознательная часть арміи такъ самоотверженно, но такъ безуспѣшно несла въ бывшихъ возстаніяхъ.

Намъ нужно потратить много силъ для того, чтобы *завоевать* армію. Ибо руссійская революція можетъ побѣдить только съ возстаніемъ революціонной арміи, пролетаріата и обездоленнаго крестьянства.

М. — рѣ.

Въ Бутырской каторгѣ.

(Изъ письма).

Чтобы написать что нибудь цѣльное необходимо, по моему, выбраться изъ того тюремнаго гнета, который еще давитъ меня. Сейчасъ же я могу только дать нѣсколько фактовъ иллюстрирующихъ мое положеніе на каторгѣ, а вмѣстѣ съ моимъ и положеніе товарищей политическихъ каторжанъ.

Все то, что я могу сообщить сейчасъ будутъ отдѣльные эпизоды нашей жизни, отдѣльные моменты.

Начну съ того, какъ я привыкалъ къ каторгѣ, какое первое впечатлѣніе было у меня отъ каторги.

Привели меня въ общую камеру. Было подь вечеръ. На корридорѣ обскаки и впустили...

Сейчасъ же товарищи обступили и начались распросы... Тутъ же выяснилось, что меня уже знали и ждали. Каторга умѣетъ узнавать о своихъ будущихъ членахъ семьи...

Режимъ былъ суровъ — это я почувствовалъ въ первый же вечеръ при провѣркѣ.

Въ камерѣ были и уголовные и политическіе.

На повѣрку надо было становиться по 2 чел. въ рядъ по солдатски.

У меня какъ у новичка не было пары и я всталъ одинъ съ праваго фланга, какъ указали товарищи. Раздалась команда: „Смирно!“ и въ камеру „вошла повѣрка“ (т. е. дежурный помощникъ начальника, старшій надзиратель каторжнаго отдѣленія и цѣлая масса младшихъ надзирателей). При повѣркѣ 4 надзирателя становились въ 2 углахъ (у двери) съ вытянутыми револьверами, направленными на строй каторжанъ. Въ дверяхъ „отдѣленный“ (т. е. надзиратель старшій въ этомъ корридорѣ, а въ каждомъ корридорѣ 4—6 камеръ и 2 надзир.) стоитъ тоже съ вытянутымъ револьверомъ. Судите сами, какое впечатлѣніе должно получиться отъ вида направленныхъ на васъ револьверовъ. Да при этомъ вы сознаете, что достаточно одного неосторожнаго движенія, и изъ этихъ дулъ полетятъ въ васъ пули... Я стоялъ справа одинъ. Просчитавъ людей, старшій грубо рвануль меня съ мѣста и площадной бранью указалъ мнѣ на лѣвый флангъ. На мою попытку протестовать противъ грубости я получилъ въ отвѣтъ: „молчать сволочи!“.

Когда „повѣрка“ ушла я обратился къ товарищамъ съ вопросомъ протестуетъ ли каторга противъ такой грубости. Въ отвѣтъ получилъ приблизительно слѣдующее (по крайней мѣрѣ смыслъ былъ этотъ): „Въ тюрьмѣ революціи не сдѣлаешь. Воля молচিতъ. Намъ приходится подчиняться. Протестуйте въ одиночку. Морально мы за васъ и съ вами, но поддержать не можемъ въ виду явной бесполезности“.

Такъ началась каторга. Я увидѣлъ придавленность и потомъ, только спустя 2 — 3 мѣсяца, я понялъ откуда появилась она.

Если изо дня въ день васъ бьютъ, ругаютъ, всячески издѣваются надъ вами, то для васъ есть только 2 выхода: молчать или умирать. Московская каторга предпочла до поры до времени молчать. Въ лицѣ своихъ лучшихъ товарищей она отвѣчала на издѣательства смертью: припомнимъ Бердягина, покушавшагося на помощника начальника перочиннымъ ножомъ, еще одинъ тов. анархистъ (я забылъ фамилію) тоже перочиннымъ ножомъ и наконецъ Фрума Фрумкина пошла съ револьверомъ. Но вѣдь это смерть. Моя, ваша, того кто покушается. Надо рѣшиться умереть, надо признать терроръ. Много, очень много товарищей погибло, протестуя въ одиночку. То было глухое время реакціи.

Назову кого помню: матросъ Смольяниновъ повѣшенъ за то, что ударилъ при страшно оскорбительномъ обыскѣ одного надзирателя пустымъ, жестянымъ чайникомъ (вѣсомъ $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{4}$ фунта) за издѣательства. Это тотъ самый Смольяновъ, который заявилъ: я солдатъ, и не вы меня сломите, и который изъ 6 мѣсяцевъ одиночнаго заключенія болѣе 100 дней провелъ въ карцерѣ. Анархистъ Ватерлоосъ (кличка Гордый) который въ продолженіи 2-хъ лѣтъ съ лишнимъ только и зналъ, что переходилъ изъ одиночки въ карцеръ, изъ карцера въ больницу, изъ больницы на 1 — 2 дня въ одиночку и опять: карцеръ, больница, на 1 — 2 дня одиночка и наконецъ умеръ отъ чахотки. Матросъ К., которому завѣдующій каторжнымъ отдѣленіемъ Дружининъ сказалъ передъ отправленіемъ его въ Шлиссельбургъ: „если бы я зналъ, что ты такой упрямый, я бы тебя и пальцемъ не тронулъ“. Это тотъ К., который получилъ болѣе 150 ударовъ розгами, лишился языка на долгое время отъ нервнаго потрясенія и т. д.

И если бы я сталъ припоминать имена погибшихъ товарищей, то надо бы исписать много бумаги.

Почему гибли? Гибли или протестовавшіе въ одиночку или тѣ, что не выдерживали гнета и издѣвательствъ.

Болѣзнъ, какъ слѣдствіе плохого питанія, тѣсноты, отсутствія воздуха и движенія доводила до смерти.

Вотъ 2 хорошихъ примѣра тов. Махвиладзе — с.р. изъ Московской организаціи. Тюрьма стомила его. На каторгѣ больно было смотрѣть на него. Видно было, что человѣкъ неминуемо умретъ, погибнетъ. И не было силъ спасти товарища. Сидѣлъ въ карцерѣ, бывалъ наказанъ вмѣстѣ съ другими въ камрѣ, т. е. лежалъ на асфальтовомъ полу въ декабрѣ мѣсяцѣ. (Я вмѣстѣ съ нимъ вылежалъ 21 день подрядъ на сыромъ, холодномъ асфальтѣ и при моемъ, прямо желѣзномъ здоровьи я почувствовалъ боль въ груди, а его чуть ли не поднимать на ноги приходилось чтобы немного размять ооченѣвшіе члены). Какъ онъ погибъ? Просто: ведутъ его въ контору. На церковномъ дворѣ онъ встрѣчаетъ свою жену каторжанку. Вѣдь человѣкъ онъ, а тутъ идетъ жена которую онъ не видѣлъ нѣсколько лѣтъ. Поздоровался.. За это ведутъ въ карцеръ. Черезъ 3 дня изъ карцера въ больницу, а черезъ недѣлю намъ сообщаютъ кратко: Георгій умеръ. Просто все.

Потомъ Ив. Ив. Пипотинъ. С. р. солдатъ, работалъ въ Москвѣ. Около двухъ лѣтъ протестовалъ противъ грубости и издѣвательствъ. Наконецъ мы уговорили его отвѣчать: „Здравія желаю“. И вотъ, чтобы изъави бся отъ него, чтобы доканать его продѣлываютъ такую штуку: на первый день Пасхи по камерамъ ходитъ начальникъ тюрьмы Кудряковъ. Зашелъ и въ нашу камеру. По-доровался и похристосовался. Мы отвѣтили также какъ и всѣ и никакого замѣчанія не получили. (Когда отвѣчаютъ такъ надзирателя смотрятъ на губы — ежели шевелить, значитъ отвѣчаетъ, ежели губы не шевелятся значитъ молчитъ, ну сейчасъ же и получить: „А ты что молчишь сволочь“!). Но на завтра, на 2-й день Пасхи, въ камеру заходитъ завѣдующій каторжанами Дружининъ и говоритъ, что начальникъ недоволенъ нашей камерой — плохо отвѣчали. И обращаясь къ т. Пипотину вызывающе заявляетъ: „Ну эта-то сволочь, конечно не отвѣчала вчера!“ Товарищъ смолчалъ. А разъ молчитъ, значитъ карцеръ. Переодѣли въ лѣтнюю одежду, — хотя былъ холодъ, но конецъ апрѣля и всѣмъ выдавали лѣтнюю одежду, — и посадили въ самый сырой и холодный карцеръ. Тамъ онъ пробылъ 7 сутокъ. Послѣ, черезъ 2-3 недѣли кровь пошла горломъ, и всѣ расчеты были покончены.

За что сажали въ карцеръ? За все. Мы, цѣлая камера, просидѣли 21 сутки подрядъ на карцерномъ положеніи за слѣдующее: одинъ товарищъ, подметая камеру, уронилъ объявленіе и поломалъ уголь. Онъ сію же минуту позвалъ надзиратели и самъ, безъ давленія камеры, заявилъ, что слѣдаль это онъ. Но существуетъ круговая порука и за дѣло одного отвѣчаетъ вся камера. Всю камеру наказали на 7 сутокъ*). 7 сутокъ, истекли. Наступилъ день, когда мы получили

*) Карцерное положеніе состоитъ въ слѣдующемъ: отбираютъ постельную принадлежность, снимаютъ съ коекъ брезентъ, отбираютъ: чай, сахаръ, махорку, полотенце, носовые платки, ремни. Три дня даютъ только хлѣбъ и холодную прокипченую воду. Черезъ 3 дня въ 4 даютъ обѣдъ. Оправки не бываетъ, надо пользоваться парашей. Это въ камерѣ расчитанной на 20 человѣкъ, но гдѣ помѣщается 27-28 человѣкъ — это обычная норма. Спать приходится на голомъ, сыромъ и холодномъ асфальтѣ.

постель, вышли на opravку и на прогулку. Всѣ проголодались и вотъ послѣ обѣда попросили кипятку два чайника, а не одинъ. Этимъ оскорбили надзирателя и черезъ сутки послѣ только что конченнаго карцера были посажены еще на 7 сутокъ. Истекли и эти 7 сутокъ. Но мы были уже на виду у начальства и насъ необходимо было проучить. И вотъ ровно черезъ сутки послѣ второго карцера мы получили еще 7 сутокъ „за шумъ“, какъ официально намъ объявили. Просидѣли всего 21 сутки и болѣе $\frac{1}{2}$ камеры ушли въ больницу, въ результате нѣсколько тов. политическихъ умерли, ибо застудили грудь, легкія, напимѣръ Ревякинъ, Дворяновъ.

Или: входить въ камеру тюремный инспекторъ, губернаторъ Джунковскій (теперешній богъ Николая II) и все наше начальство. Съ ними какой-то японецъ, не то министръ, не то еще что то (помните была полоса, когда иностранные гости посѣщали Россію, но Россія — тюрьма и каждый считалъ своимъ долгомъ посѣтить тюрьму). Японецъ спрашиваетъ: „Здѣсь политическіе каторжане или уголовные?“ Ему объясняютъ, что это уголовные, а политическіе находятся въ другихъ камерахъ и въ лучшихъ условіяхъ, что ихъ не принуждаютъ работать, что они имѣютъ право носить свое бѣлье и т. п. — вѣчную пѣсню для иностранцевъ. Я понимаю по англійски и, услышавъ это объясненіе, я и еще одинъ товарищъ вышли изъ строя и заявили, что мы политическіе, и что всѣ политическіе каторжане находятся среди уголовныхъ и пользуются одинаковыми съ ними правами. Это намъ стоило по 7 сутокъ карцера...

Политическіе каторжане всегда сидѣли въ перемежку съ уголовными. Никогда не пользовались правами даже тѣми, которыя предоставлены уголовнымъ. Трудно доказать это фактами, но иллюстрировать можно, и выводъ самъ напросится. Напр. уголовный скорѣе попадетъ въ ту мастерскую куда хочетъ, уголовного скорѣе пустятъ вообще въ мастерскую, чѣмъ политическаго. Часто уголовнымъ прощается то, что не простится политическому. И вообще масса такихъ мелочей, которыя не поддаются точному подсчету. Вообще атмосфера такая, что въ воздухѣ виситъ: „А политикъ, студентъ...“ Все, что ты плохо сдѣлаешь, ты сдѣлаешь это не потому, что не счумѣлъ, а потому что „студентъ“ и не хочешь, потому что ты „собака“. Уголовный ошибся по незнанію, а ты по сопротивленію.

Наказывали за все. Окуркъ валяется на полу — 3 сутокъ карцера. Пошѣ плохо вымыть — карцеръ. Окно не вытерто на сухо — карцеръ. Помощникъ приходитъ и пробуетъ чистоту пола бѣлымъ носовымъ платкомъ, какъ офицеръ лошадь. Запачкался платокъ — карцеръ. Закурить до утренней повѣрки или послѣ вечерней повѣрки — карцеръ и т. д. до безконечности.

Вотъ тоже примѣръ отношенія къ политическимъ. Входить въ камеру О. С. М., въ ту камеру гдѣ сидитъ А. Г. Эти два товарища связаны не только духовно, но кажется и кровно. Ясно что они обнялись. Боже! какая дикая сцена была послѣ этого. Слово „жидъ“, „своточъ“, „застрѣлю“ не сходило съ языка надзирателя... Этого по отношенію къ уголовнымъ не дѣлали.

Каторга — кошмаръ.. Терпѣли, переносили, но лопнуло терпѣніе и грянулъ громъ 21 января 1911 г. Убито 4 надзирателя... Режимъ ослабъ... Стало легче сидѣть. Атмосфера порока, карцера стала забываться.

Пороли вѣдь чуть ли не каждый день. Карцера всегда полны.. Тутъ стало легче... Но вотъ подходитъ 1912 г. и съ конца 1911 г. опять начинаютъ подтягивать тюрьму — готовятся къ манифесту. Подтягивали весь 1912 г. Карцера опять стали полны, не стало хватать мѣста.

Вводили все новыя и новыя правила, желая тюрьму обратить въ казарму, а каторжанъ въ солдатъ. Наконецъ въ маѣ 1913 г. опять грянулъ громъ. Убить надзиратель... 7 человекъ повѣшены. Видимо струны были очень натянуты.. Смѣшно говорить, что готовился побѣгъ; нельзя бѣжать изъ Бутырской тюрьмы. Если убѣжишь, надо повѣрнуть въ чудо...

Яковъ.

Гримаса раскола.

Злобой партійнаго дня Россійской Соц.-Демократіи является расколъ въ с.-д. фракціи IV-ой Думы. Къ нему приковано вниманіе партійныхъ работниковъ, имъ занята рабочая печать.

Чѣмъ объясняется такое исключительное значеніе вопроса о расколѣ думской фракціи, понять не трудно. Съ одной стороны здѣсь играетъ роль общее оживленіе политическихъ и партійныхъ интересовъ въ с.-д. средѣ, на почвѣ подъема рабочаго движенія, съ другой стороны думская фракція занимаетъ такое положеніе, что расколъ въ ней слишкомъ замѣтенъ и слишкомъ задѣваетъ всѣхъ.

Ничтожная царапина на лицѣ бываетъ болѣе замѣтна, чѣмъ болѣе рана на спинѣ. Такъ и съ думской фракціей. Она не была головой или мозгомъ нашего рабочаго движенія, но она была его лицомъ, — иногда быть можетъ чрезмѣрно лойад нымъ, — но все-таки лицомъ пролетаріата, открыто обращеннымъ въ сторону политическихъ противниковъ социаль-демократіи. Ударъ раскола нанесъ глубокую рану этому лицу партіи, и рана эта видна каждому.

* * *

Формальную инициативу раскола, какъ извѣстно, взяли на себя шесть рабочихъ депутатовъ-большевиковъ. Они предъявили остальнымъ семи депутатамъ-меньшевикумъ (вѣрнѣе, семи съ половиной, ибо съ семеркой выступаетъ заодно также и полуправный „совѣщательный“ членъ фракціи, пз-пз-совѣтъ Ягелло) ультиматумъ о признаніи равноправія „шестерки“ и „семерки“ — т. е. фактически объ отказѣ большинства фракціи отъ права быть большинствомъ и о превращеніи фракціи изъ единаго учрежденія въ органъ, построенный на принципѣ самостоятельности и федерации двухъ частей.

При нормальныхъ условіяхъ, конечно, нельзя считать правильнымъ этотъ принципъ равноправія частей внутри думской фракціи. Ибо при нормальномъ собраніи партіи, при наличности въ ней единаго руководящаго центра даже и не могло бы возникнуть подобнаго вопроса, такъ какъ при разногласіяхъ внутри фракціи рѣшающимъ верховнымъ судьей являлся бы партійный центръ, а фракція лишь выполняла бы его директивы. Но наша партія, къ сожалѣнію, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не имѣетъ единаго и авторитетнаго центра и, потому, до извѣстной степени можно понять и оправдать этой особой и временной обстановкой жизни думской фракціи то предложеніе, съ которымъ „шестерка“ обратилась къ „семеркѣ“.

Но для того, чтобы это предложеніе могло имѣть ультимативный смыслъ и въ случаѣ отклоненія его, послужить основаніемъ для раскола, нужны два предварительныхъ условія: 1) чтобы шагъ этотъ предпри-

нимался съ вѣдома и одобренія большинства организованныхъ с.-д. рабочихъ, и 2) чтобы онъ былъ вызванъ очень важными причинами.

Къ сожалѣнію, приходится признать, что оба эти условія отсутствовали въ данномъ случаѣ. Рабочіе с.-д. узнали о конфликтѣ между шестеркой и семеркой и о расколѣ лишь послѣ того, какъ расколъ сталъ совершившимся фактомъ. Это, конечно, не можетъ быть оправдано ни коимъ образомъ. Ибо ни думская фракція въ цѣломъ, ни часть ея не имѣютъ никакого права брать на себя починъ раскола. Фракція есть органъ подчиненный и исполнительный, а не руководящій центръ и она не можетъ присваивать себѣ рѣшеніе такихъ важныхъ вопросовъ, какъ вопросъ о сохраненіи или расторженіи организаціоннаго единства партіи. И если Ленинъ и его единомышленники смотрятъ иначе, то они впадаютъ въ худшій видъ парламентскаго кретинизма, ставя организаціонную жизнь всей партіи въ зависимость отъ усмотрѣнія и воли думскихъ представителей социаль-демократіи. Если политическій парламентскій кретинизмъ отводящій думско у представительству руководящую роль въ политической области есть зло, то организаціонный парламентскій кретинизмъ есть зло ничуть не меньшее.

Но даже и послѣ раскола истинныя причины его остались неясны для партіи. Правда, шестерка въ изданномъ ею документѣ („Письмо депутатовъ Росс. Соц.-дем. рабочей фракціи къ товарищамъ-рабочимъ“) излагаетъ мотивы, побудившіе ее къ расколу, но эти мотивы въ изложеніи товарищей изъ шестерки, являются малоубѣдительными. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, каковы эти мотивы:

1) Семерка не выбрала никого изъ шестерки въ бюджетную комиссію Думы! Да развѣ же можно раскалываться изъ-за такой причины? Развѣ изъ-за мѣста въ какой то комиссіи, или хотя-бы изъ-за ста мѣстъ въ ста думскихъ комиссіяхъ можно рвать единство организаціи, да еще въ такой важный политическій моментъ?

2) Семерка приняла во фракцію не-социаль-демократа Ягелло. Это обвиненіе было-бы болѣе существеннымъ, если бы, во-первыхъ, Ягелло имѣлъ во фракціи рѣшающій голосъ, а во-вторыхъ, если бы это обвиненіе было выдвинуто не заднимъ числомъ, не послѣ того, какъ шестерка работала вмѣстѣ съ семеркой въ теченіе года, въ присутствіи этого же самаго Ягелло, нынѣ положеннаго на дно непереходимой пропасти раскола.

3) Не болѣе удовлетворительнымъ является и ссылка на то, что семерка выдвинула въ деклараціи фракціи бундовскій лозунгъ культурно-національной автономіи. Конечно, это лозунгъ недѣльный, это мелкая утопія еврейскаго мѣшанскаго социаль-націонализма, но вѣдь опять-таки шесть и семь не раскалывались цѣлый годъ послѣ того, какъ эту злочастную культурную автономію меньшевики, въ угоду своимъ друзьямъ-бундовцамъ, втиснули въ декларацію. А, кромѣ того, представьте себѣ, что въ составѣ думской фракціи были бы 1 — 2 бундовца и что они стали бы съ трибуны защищать эту автономію. Вѣдь не исключили бы вы ихъ за это изъ фракціи, какъ не исключенъ и не можетъ быть исключенъ изъ нашей партіи Бундъ за его культурно-національную агитацію.

4) Остается послѣдній мотивъ. Это — провозглашеніе меньшевиками-депутатами въ Думѣ лозунга борьбы за свободу коалицій. Но первое, что здѣсь невольно бросается въ глаза, это то, что данный мотивъ совершенно отсутствовалъ въ первоначальномъ ультиматумѣ шестерки по адресу семерки (16 октября) и что лишь впоследствии онъ былъ пришитъ къ дѣлу. Далѣе, если взять исторію всѣхъ нашихъ с.-д. фракцій, то въ ихъ работѣ можно найти и худшіе промахи. Напримѣръ, фрак-

ція III-ей Думы выступила съ весьма либеральной, но не весьма соц.-дем. деклараціей. Однако Ленинъ не „откололся“ отъ нея. Во фракціи 2-ой Думы были куда болѣе серьезныя разногласія, ибо меньшевики, руководящіе этой фракціей доходили до ликвидаціи программы (напомню, изъятіе словъ „безъ выкупъ“ изъ лозунга отчужденія земли). Однако не было и тогда раскола. А теперь онъ есть.

Почему же теперь есть расколъ?

Для отвѣта на этотъ вопросъ надо отмѣтить моментъ, въ который случился расколъ. Онъ произошелъ въ самомъ началѣ новой сессіи Думы, послѣ лѣтнихъ каникулъ. Что же такое могло произойти лѣтомъ, что вызвало обостреніе борьбы между шестью и семью?

Лѣтомъ состоялась Ленинская конференція (которую Ленинъ по собственному ему „эгоцентризму“ считаетъ „совѣщаніемъ при Ц. К. Р. С. Д. Р. П.“ и т. д.). Эта конференція, переполненная заграничными фракціонерами, слѣдала изъ шестерки обухъ, которымъ Ленинъ хочетъ ушибить ликвидаторовъ. Шестеркѣ сказали ленинцы: раскалывайте фракцію! и шесть депутатовъ послушно повиновались этому вредному приказу. Что дѣло было именно такъ, это видно изъ письма самой же шестерки къ рабочимъ. Въ этомъ письмѣ шесть депутатовъ говорятъ, что, ставя ультиматумъ своимъ семи коллегамъ, они „считались съ волею того руководящаго цѣлага, которое объединяетъ сейчасъ всѣхъ марксистки организованныхъ рабочихъ“, а именно съ волей лѣтнаго „обще-россійскаго совѣщанія“. Здѣсь шесть товарищей-депутатовъ проявили поразительнѣйшую неосвѣдомленность. Они, оказывается, и не подозреваютъ, что никакого „руководящаго цѣлага“ сейчасъ въ нашей партіи нѣтъ и что то, что имъ показалось руководящимъ цѣлымъ, есть заграничный ленинскій кружокъ.

Эта неосвѣдомленность и наивность, заставившая шесть депутатовъ принять Ленина за „обще-партійный центръ“, до извѣстной степени, смягчаетъ поступокъ шестерки, хотя печально, разумѣется, что люди, желающіе представлять въ Думѣ организованн. с.-д. пролетаріатъ Россіи, такъ мало знакомы съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ внутри партіи и такъ податливы на внушенія, исходящія отъ кружка заграничныхъ специалистовъ по части раскола. Вслѣдствіе этого Ленину и удалось наложить руку на думскую фракцію, являющуюся лицомъ социаль-демократіи, и отъ прикосновенія этой руки на этомъ лицѣ получилась скверная гримаса раскола.

Считаю нужнымъ подчеркнуть, что политически мы, впередовцы, считаемъ себя, конечно, гораздо болѣе близкими къ „шестеркѣ“, чѣмъ къ „семеркѣ“. Мы знаемъ, что дѣятельность меньшевистско-ликвидаторскихъ руководящихъ круговъ нерѣдко была пропитана духомъ самаго пошлаго оппортунизма, доходившаго до отказа отъ партійной программы (это было на августовской конференціи 1912 г.), до недобросовѣстной борьбы противъ революціонныхъ выступленій пролетаріата, — противъ политическихъ стачекъ и демонстрацій (напомню воззваніе ликвидаторовъ противъ петербургской стачки и демонстраціи въ день открытія IV Думы). Но судьей въ спорѣ между правымъ и лѣвымъ крыломъ социальдемократіи является не ленинскій кружокъ и не подпавшіе подъ его „руководство“ шесть рабочихъ депутатовъ, а лишь сама партія, въ лицѣ ея съѣзда. Даже если ликвидаторы сами толкали шестерку на расколъ, такъ и то не надо было на него идти, тѣмъ болѣе, что семерка, въ концѣ концовъ, не является официальнымъ представительствомъ ликвидаторскаго теченія. Это признаютъ и сами шесть депутатовъ, которые въ своемъ обращеніи къ рабочимъ пишутъ, что они не считаютъ семерку всецѣло примыкающей къ ликвидатор-

ству, а лишь „колеблющейся“. Но даже если бы, повторяю, семерка официально представляла собой данное течение, такъ и въ этомъ случаѣ не шести депутатамъ рѣшать вопросъ о единствѣ Р. С.-Д. Р. П. Это — дѣло авторитетнаго сѣзда.

Все это даетъ намъ, впередовцамъ, право указать шестеркѣ, что ея шагъ является безусловной ошибкой. Таково, конечно, мнѣніе всѣхъ членовъ партіи, чей умъ не опустошенъ стремленіемъ къ расколу ради раскола.

Г. Алексинскій.

РЕЗОЛЮЦІЯ

Парижскаго Кружка содѣйствія Группѣ „Впередъ“ по вопросу о расколѣ въ думской соц.-дем. фракціи.

Обсудивъ вопросъ о расколѣ въ соц.-дем. фракціи 4-ой Госуд. Думы, собрание полагаетъ:

1) Что главной причиной и основой этого раскола является разъединенное и раздробленное состояніе партійныхъ организаций и отсутствіе единаго руководящаго партійнаго центра, пользующагося общимъ довѣріемъ большинства партійныхъ элементовъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и ликвидація раскола въ думской соц.-дем. фракціи возможна лишь путемъ объединенія партійныхъ организаций. Для объединенія же партіи необходимымъ предварительнымъ условіемъ является съ одной стороны идейное сплоченіе всѣхъ революціонныхъ элементовъ Р. С.-Д. Р. П., а съ другой — созывъ авторитетнаго общепартійнаго сѣзда или, по крайней мѣрѣ, широкой партійной конференціи съ дѣйствительнымъ представительствомъ организованныхъ рабочихъ.

2) Собраніе признаетъ, что при теперешнемъ положеніи дѣлъ въ партіи, вопросъ объ отношеніяхъ внутри думской фракціи не долженъ рѣшаться случайнымъ большинствомъ одного голоса и что „семь депутатовъ“ должны пойти навстрѣчу „шести депутатамъ“ въ ихъ требованію гарантіи ихъ правъ и въ обезпеченіи имъ возможности вести думскую работу въ интересахъ революціонной социальдемократіи и въ соотвѣтствіи съ волей избиравшихъ ихъ рабочихъ.

3) Собраніе полагаетъ, что въ политическомъ отношеніи шесть рабочихъ депутатовъ болѣе правильно выражаютъ позицію революціонной социальдемократіи, но что для обезпеченія себѣ поддержки широкихъ круговъ соц.-дем. рабочихъ, они должны съ своей дѣятельности преслѣдовать цѣли объединенія партіи и считать не съ мнѣніемъ какой-либо одной фракціи или группы, а съ общественнымъ мнѣніемъ всѣхъ революціонныхъ элементовъ Р. С.-Д. Р. П.

Изъ жизни Соціалъдемократіи Латвійскаго Края за періодъ общественнаго подъема.

Даже за время самой темной реакціи, когда — съ одной стороны — подъ ударами обнаглѣвшаго самодержавнаго правительства рѣдѣли ряды нашихъ организаций, а съ другой — подъ влияніемъ наступившаго безвременья многіе „разочаровавшіеся“ въ революціи и партіи бывшіе партійные дѣятели добровольно покидали организацию, — социальдемо

кратія Латышскаго Края высоко держала свое боевое знамя. Партийная дѣятельность шла у насъ непрерывно съ самаго основанія Партіи, хотя временами (въ 1904—10 гг.) число организованныхъ членовъ сокращалось въ пятеро въ сравненіи съ годами революціоннаго подъема.

Нечего и говорить о томъ, что, сумѣвши сохранить свои организаци въ годы реакціи, Соціалдемократія Лат. Края расширила и углубила свою дѣятельность съ наступленіемъ общественнаго подъема. Въ данное время наша нелегальная организация насчитываетъ до 3000 организованныхъ членовъ — количество, не особенно большое въ сравненіи съ числомъ организованныхъ рабочихъ въ 1905—6 гг. Но все же это — сила, оказывающая несомнѣнное вліяніе на рабочее движеніе нашего края и руководящая этимъ движеніемъ.

Что касается внутренней жизни С.-Д. Л. К., то нужно признать, что тамъ не все „обстоитъ благополучно“. Вмѣстѣ съ оживленіемъ рабочаго движенія „оживилась“ и та часть нашихъ социалдемократовъ которую обычно называютъ „ликвидаторской“. Правда, ужъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на страницахъ нашего Ц. О. попадались статьи, представлявшія собой скромное пережевываніе статей М.-това, Дана и Ко. изъ „Голоса С.-Д.“. Но въ послѣднее время — время, связанное съ подъемомъ революц. движенія въ Россіи, наши ликвидаторы заговорили болѣе опредѣленнымъ языкомъ. Конечно, говорить о „ликвидаци“ нелегальной партіи при нашихъ условіяхъ, — при условіяхъ Столыпинской конституціи съ одной стороны и при несомнѣнной руководящей роли нелегальныхъ организаций въ рабочемъ движеніи нашего края — съ другой, — было бы полной нелѣпостью. Поэтому „теоретики“ нашего ликвидаторства, стоящіе за легальность во что бы то ни стало, мудро совѣтуютъ пользоваться нелегальной организацией для обслуживания легальныхъ возможностей“. Впрочемъ, они не остаются безъ послѣдователей, доводящихъ дѣло „до конца“ и рекомендующихъ покинуть не только всякіе „нелегальные кружки“, но буквально совѣтующихъ рабочимъ бросить въ уголъ Эрфуртскую программу и книги по экономическимъ вопросамъ и заняться „практическимъ дѣломъ“: страховой кампаніей, петиціонными и коалиціонными кампаніями, мѣстнымъ самоуправленіемъ, участіемъ въ обществахъ трезвости и взаимопомощи и т. д., и т. д. (см. въ легальн. марксистск. органѣ „Дзвезды Балсъ“ № 19, статью „Слова и дѣла“). Положеніе ухудшается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что по странной случайности съ нѣкоторыхъ поръ всѣ руко-о-яніе центры нашей организации очутились — въ рукахъ ликвидаторовъ... Дѣло въ томъ, что вотъ уже лѣтъ пять, какъ не собрался нашъ съѣздъ. Правда, года два тому назадъ была сдѣлана попытка организовать таковой; съѣхались даже делегаты и успѣли обсудить нѣсколько вопросовъ; между прочимъ, выразили недовѣріе м.-скому Ц. К. Но вслѣдствіе полицейскихъ преслѣдованій съѣздъ долженъ былъ разѣхаться не успѣвъ обсудить всѣхъ вопросовъ порядка дня и избравъ временный Ц. К., которому и было поручено созвать въ ближайшемъ будущемъ новый съѣздъ. Вслѣдствіе проваловъ составъ временнаго Ц. К. быстро измѣнился: въ немъ получили большинство ликвидаторы. Несмотря на порученіе прерваннаго съѣзда, Ц. К. и не думалъ созывать новый съѣздъ; вмѣсто этого онъ занялся „объединеніемъ“ русскихъ товарищей — (дѣло, конечно, хорошее, если за него умѣло взяться...). окончившимся печальной памяти августовской „конференціей“. Но Ц. К. не ограничилъ организацией „конференціи“ организаций Р. С. Д. Р. П.: онъ вошелъ и въ созданный ею центръ. „Организаціонный Комитетъ“; и не только вошелъ туда, но сталъ вносить въ кассу его и процентныя отчисленія отъ своихъ доходовъ — вносить туда суммы, отчисленныя въ качествѣ членскихъ взносов отъ рабочихъ нашей нелегальной организации, чтобы на эти деньги облегчить ликви-

даторамъ изъ „Луча“ борьбу съ нелегальными же организаціями!... Однимъ словомъ — использовали „возможность“...*)

Въ царствованіе этого же Ц. К. мы дожили и до того поистинѣ позорнаго факта, когда изъ избирательной платформы въ IV Думу конференціей С. Д. Л. К. было выкинуто требованіе 8-ми часоваго рабочаго дня... чтобъ не отпугнуть либераловъ...

Этимъ промахи (чтобъ не сказать больше) нашего Ц. К. не исчерпываются. Когда въ ноябрѣ 1912 года заграницей началъ выходить информационно-агитаціонный органъ лат. большевиковъ**), многія мѣстные организаціи въ Прибалт. Краѣ, давно ужъ недовольныя дѣятельностью Ц. К., потребовали отъ него, чтобы онъ, наравнѣ съ ликвидаторскимъ Ц. О. „Цина“, доставлялъ и большевистскій „Бюллетень“. Когда Ц. К. упорно игнорировалъ эти требованія, нѣкоторыя организаціи поручили своимъ исполнительнымъ органамъ искать другихъ путей для полученія „Бюллетеня“, если Ц. К. отказывается его доставить. Въ отвѣтъ на это Ц. К. „разъяснилъ“ Виденскую (деревенскую) организацію, приостановивъ ея дѣятельность и ссылаясь при этомъ на уставъ С. Д. Л. К., по которому организаціи якобы не могутъ поддерживать св-зей съ другими организаціями помимо Ц. К., хотя на самомъ дѣлѣ въ уставѣ С. Д. Л. К. нѣтъ пункта, воспреещающаго организаціямъ доставку литературы помимо Ц. К.

Были и существуютъ тренія между Ц. К. и организаціями и по другимъ вопросамъ. Выходъ изъ создавшагося положенія одинъ — скорѣйшій созывъ съѣзда С. Д. Л. К. Послѣ долгихъ проволочекъ и Ц. К. призналъ его необходимымъ, но выставилъ при этомъ одно ультимативное требованіе организаціи обязываются внести въ кассу Ц. К. 3000 р. специально на организацію съѣзда! Требованіе — незаконное, такъ какъ обычно районы сами оплачиваютъ поѣздку своихъ делегатовъ, Товарищи пошли на это требованіе и какъ въ Прибалт. Краѣ, такъ и заграницей единодушно взялись за сборы денегъ. Благодаря этому, можно ждаты, что съѣздъ дѣйствительно, состоится.

Но дѣло и въ дальнѣйшемъ не обходится безъ недоразумѣній съ Ц. К. Въ выдвинутомъ послѣднемъ порядкѣ дня съѣзда не хватаетъ такого важнаго пункта, какъ вопросъ „о текущемъ моментѣ и задачахъ партіи“, отъ рѣшенія котораго зависятъ многія другія постановленія съѣзда. Дополняя выдвинутый Ц. К.-томъ порядокъ дня этимъ пунктомъ, „оппозиція“ въ связи съ нимъ предлагаетъ обсудить, между прочимъ, вопросъ организаціонный (пролетарскія и военныя организаціи). Вообще товарищи изъ „оппозиціи“ дѣятельно готовятся къ съѣзду. Всѣ вопросы, связанные съ порядкомъ дня, обсуждаются на собраніяхъ организацій и въ заграничномъ органѣ б-ковъ. Не обойденъ, между прочимъ, и вопросъ объ отношеніи къ Р. С. Д. Р. П. Признавая, что въ данный моментъ социалъдемократическая партія въ Россіи можетъ существовать только нелегально, латышскіе товарищи дѣлаютъ выводъ, что всякій социалъдемократъ должнъ войти въ ту или иную нелегальную партійную организацію. Осуждая ликвидаторство, какъ направленіе, порывающее съ Партіей, большинство лат. „оппозиціи“ требуетъ тѣснѣйшаго сближенія съ Ц. К. Р. С. Д. Р. П., выбраннымъ на ленинской январской конференціи 1912 года. Послѣднее требованіе нѣсколько странное и особенно странно слышать его отъ латышскихъ социалъдемократовъ, такъ ярко и дѣльно обличавшихъ беззаконныя дѣйствія своего Ц. К.

*) Вирочетъ, вслѣдствіе протестовъ организацій Ц. К., наконецъ, „временно“ отозвалъ своихъ представителей изъ О. К.

**) Вскорѣ затѣмъ и въ Прибалт. Краѣ нѣсколькими дегевенскими организаціями былъ поставленъ революціонный нелегальный органъ „Zihnas Beedris“.

Наши товарищи не могут не знать, что защищаемый ими русский „Ц. К.“ (съ позволения сказать!) — результат незаконнѣйшаго акта, какой когда-либо совершался въ Р. С. Д. Р. П., они не могут не знать, что этотъ „Ц. К.“ не избранъ партійнымъ съѣздомъ, какъ этого требуетъ уставъ Р. С. Д. Р. П., а группой правыхъ большевиковъ*), — группой, которая — во главѣ со своимъ идейнымъ руководителемъ, т. Ленинымъ — самовольно присвоила себѣ имущество, принадлежавшее если и не всей партіи, то по крайней мѣрѣ всей б-ской фракціи; объ этомъ данная группа должна будетъ еще дать отчетъ передъ общепартійнымъ съѣздомъ, скорого созыва котораго требуютъ и латышскіе товарищи. Въ этомъ требованіи ихъ, конечно, поддержать всѣ здравомыслящіе социальдем-краты, такъ какъ только общепартійный съѣздъ можетъ положить конецъ существующему въ Партіи разброду и наметить тотъ путь, котораго должна держаться революціонная партія російскаго пролетариата.

Латышскій с.-д. Я. М.

О ленинской конференціи.

Вышелъ изъ печати отчетъ о ленинской конференціи, состоявшейся минувшимъ лѣтомъ. По словамъ отчета, на конференціи присутствовали 22 дѣятеля нелегальной и легальной с. д. работы въ Петербургѣ, Москвѣ. Центральнo промышленномъ районѣ, на Югѣ, на Уралѣ, въ Польшѣ*. Но такъ какъ составители отчета не сочли нужнымъ хотя бы словескомъ обмолвиться о томъ, были ли это представители съ мѣстъ и выбранные организованными рабочими, то уже это одно умолчаніе говорить о томъ, что это были, по преимуществу, „дѣятели“ изъ заграничнаго ленинскаго кружка. Что касается польскихъ с. д., то, повидимому, рѣчь идетъ объ участіи въ ленинской конференціи заграничныхъ дѣятелей, примыкающихъ къ варшавской оппозиціи. Очень сочувствуя успѣшной борьбѣ этой оппозиціи противъ самовластия кружка Тышки и Ко., мы тѣмъ болѣе можемъ сожалѣть, что заграничные вожжи оппозиціи втягиваютъ ее во фракціонныя предпріятія ленинцевъ: вѣдь ли варшавскіе рабочіе боролись противъ ига Тышки только затѣмъ, чтобы ихъ подчинили игу ленинской фракціи. Кромѣ того, поддержка польскими оппозиционерами ленинскаго кружка опасна и для общепартійныхъ интересовъ, такъ какъ національныя организаци только въ томъ случаѣ смогутъ сыграть положительную роль въ дѣлѣ возстановленія единства пртій, если они, солидаризируясь съ тѣмъ или инымъ политическимъ теченіемъ внутри партіи, не будутъ въ то же время становиться орудіемъ фракціонныхъ замысловъ. Въ этомъ смыслѣ поддержка заграничными дѣятелями варшавской оппозиціи ленинскихъ затѣй столь же ошибочна и вредна, какъ была вредна поддержка латышскимъ Ц. К. ликвидаторской затѣи фракціоннаго свѣйства, или какъ постоянное участіе бундовскаго центра во всѣхъ сугубо-фракціонныхъ шагахъ правыхъ меньшевиковъ.

* * *

Обращаясь къ резолюціямъ ленинской конференціи, мы видимъ, что въ нихъ, какъ и во всей теперешней позиціи ленинской группы хорошее перемѣшано съ плохимъ.

Хорошей является резолюція о задачахъ агитаціи въ настоящій моментъ. Въ этой резолюціи вновь выразилось полѣвѣніе праваго больше-

*) Въдѣ не одобряютъ же лат. товарищи — въ большинствѣ своемъ — инспирированнаго той же группой раскола с.-д-ской фракціи Гос. Думы...

визма, представляемого ленинской группой. Въ то время, какъ еще въ 1909-1910 гг. эта группа въ своей литературѣ сбивалась на ликвидаторскую оцѣнку политическаго положенія Россіи и предсказывала нашей странѣ мирный „прусскій“ путь развитія съ постепеннымъ самоперерожденіемъ самодержавія въ буржуазную монархію, теперь она рѣшительно характеризуетъ русскій государственный строй, какъ „господство реакционных помѣщиковъ“ и какъ „монархію, враждебную всякой серьезной реформѣ и оберегающую только власть и доходы крѣпостникова“. Въ связи съ этимъ борьба противъ двоянско-крѣпостническаго самодержавія подъ лозунгами республики, конфискаціи земли и 8-час. рабочаго дня выдвигается ленинской конференціей, какъ практическая и очередная задача.

Все это мы, передовцы, можемъ только привѣтствовать, такъ какъ наше первоначальное расхожденіе съ ленинцами именно и возникло на почвѣ ихъ временнаго уклоненія вправо и ихъ упованій на „прусскій типъ“ развитія Россіи *).

Привѣствуемъ мы также и то, что ленинская конференція признала необходимымъ созывъ партійнаго съѣзда. Только съѣздъ можетъ вывести нашу партію изъ того безобразнаго хаоса, въ которомъ она живетъ уже нѣсколько лѣтъ и создать руководящій центръ. Но, къ сожалѣнію, ленинцы ничего не говорятъ о томъ, что такой съѣздъ можетъ быть созванъ лишь при объединенномъ участіи въ созывѣ его всѣхъ фракцій и теченій; никакой отдѣльный кружокъ, конечно, не сможетъ здѣсь ничего подѣлать. Примѣромъ могутъ служить попытки самихъ же ленинцевъ. Они уже не первый разъ собираютъ конференціи, именуя ихъ партійными, общепартійными и т. д. Но никто, кромѣ пары-другой заграничныхъ коллегъ Ленина, конечно, и въ грошъ не ставитъ рѣшеній этихъ яко бы партійныхъ конференцій и не считается съ ними, какъ не считается никто и съ рѣшеніями организованной Троцкимъ ликвидаторской конференціи.

Въ частн-сти, и новая ленинская конференція именуется торжественно „Совѣщаніемъ Цен. Комит. Р. С. Д. Р. П. съ партійными работниками“, а въ предисловіи къ „изданному Центр. Комитетомъ“ отчету о ней сообщается совершенно серьезно, что „всѣ рѣшенія сѣ утверждены Центр. Комитетомъ и, такимъ образомъ, приобрѣли обязательную силу для нашей партіи“. Но вѣдь всякому хорошо извѣстно, что никакого Центр. Комитета Россійская Соц. Демократія не имѣетъ уже нѣсколько лѣтъ и что то, что ленинцы называютъ „Центр. Комитетомъ“ — есть Ленинъ съ „печаткой“ Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. Но вѣдь самъ же Ленинъ понимаетъ прекрасно, что заказать печатку съ 6 согласными буквами еще не значитъ дѣйствовать согласно уставу партіи, и что члены партіи просто-на-просто смѣются, когда читаютъ юмористическія заявленія о томъ, что, какъ написанныя Ленинымъ и Ко. резолюціи становятся „обязательными“ для всей партіи оттого, что Ленинъ „утвердилъ“ ихъ. Зачѣмъ смѣшить членовъ партіи и приучать ихъ относиться съ неуваженіемъ къ имени Ц. К.?

Къ числу хорошихъ рѣшеній конференціи относится резолюція о необходимости „усиленнаго развитія нелегальнаго партійнаго издательства“. Это — правильно, ибо, конечно, существующей легальной прессы недостаточно, потому что она, находясь въ цензурныхъ тискахъ, не можетъ вести сколько-нибудь выдержанной соц.-дем. агитаціи. Единственно, что позволяетъ вполне царская цензура и большевисткой и

*) Въ числѣ лозунговъ борьбы почему-то опущена замѣна постоянной арміи всеобщимъ вооруженіемъ. Не уступка ли это ликвидаторству? Конференція вдобавокъ совсѣмъ не удѣлила вниманія вопросу о с.-д. работѣ въ арміи. Это — ошибка, ибо безъ усиленной работы въ арміи побѣда надъ царизмомъ далеко не обезпечена.

меньшевисткой газетѣ въ Питерѣ, это — поѣдать другъ друга и раздвѣивать фракціонную грызню. Ленинецъ можетъ рѣзко писать въ легальной прессѣ о ликвидаторахъ, ликвидаторъ — о ленинцахъ. Противъ царизма же и противъ гнета капитала ни тотъ, ни другой писать сколько-нибудь опредѣленно не могутъ, ибо этого имъ цензура не позволяетъ.

Резолюція по вопросу о думской с.-д. фракціи, начиная съ хорошаго заявленія о томъ, что „единство с.-д. фракціи въ области работы возможно и необходимо“ не даетъ никакихъ доводовъ въ пользу происшедшаго раскола, ибо нельзя считать доводами мелкія жалобы на то, что 7 депутатовъ не выбрали никого изъ 6 въ какія-то думскія комиссіи.

А другихъ доводовъ въ резолюціи нѣтъ совсѣмъ, и резолюція еще разъ подтверждаетъ наше мнѣніе, что расколъ въ думской фракціи возникъ не на почвѣ серьезныхъ политическихъ разногласій, а на почвѣ раскола ради раскола.

Резолюція о стачечномъ движеніи, выдвигая правильную мысль о необходимости подготовки всероссійской политической забастовки, не указываетъ, къ сожалѣнію, на тотъ несомнѣнный фактъ, что таковая забастовка можетъ быть успѣшна не сама по себѣ, а лишь какъ переходъ къ уличнымъ выступленіямъ рабочихъ массъ и къ возстанію пролетаріата и деревенской бѣдноты.

Ленинская конференція занялась, кромѣ того, національнымъ вопросомъ. Но тутъ въ ея рѣшеніяхъ получилась большая путаница, которая объясняется, повидимому, тѣмъ, что ленинцы въ своемъ рѣшеніи національной проблемы исходили не столько изъ марксистскаго анализа конкретныхъ россійскихъ условий, сколько изъ желанія „всыпать“ Бунду за его „культурно-національную автономію“. Въ результатъ и получилась довольно безпринципная каша, въ которой съ одной стороны заявляется, что „с.-д. партія безусловно должна отстаивать право угнетенныхъ царской манархіей націи на отдѣленіе“ отъ Россіи, а съ другой отрицается за этими же угнетенными націями право самостоятельно вѣдать школьнымъ дѣломъ („раздѣленіе по національностямъ школьнаго дѣла въ предѣлахъ одного государства безусловно вредно“ и т. д.). Это противорѣчіе не лишено даже комическаго элемента: „отдѣляться“ дескать, отъ Россіи можете, но пока въ Россіи живете, о собственной школѣ не смѣйте и думать.

Впрочемъ, ленинская конференція, очевидно, и сама чувствовала нелѣпость причятой резолюціи, въ которой содержится съ одной стороны врядъ ли оправдываемый марксизмомъ призывъ къ отдѣленію, а съ другой отрицаются очень элементарныя и не противорѣчающія марксизму практическія нужды школьнаго дѣла. Поэтому принявъ резолюцію, конференція пригласила партійную прессу и организаціи „возможно подробнѣе освѣщать (въ брошюрахъ, дискуссіяхъ и т. д.) національный вопросъ“. Лучше бы было начать съ освѣщенія и потомъ уже рѣшать, чѣмъ принять нелѣпое, сомнительно-марксистское рѣшеніе и, затемнивъ имъ проблему, закончить вздохомъ и необходимости освѣщенія ея.

Петр. Ал.

Отъ редакціи.

По недостатку мѣста отложены до слѣдующаго выпуска статьи тов. Н. Любимова о рабочемъ движеніи въ Болгаріи, тов. П. А. о международной политикѣ царизма и др.